

Оливеръ Лоджъ,
Ректоръ Бирмингамскаго университета.

ВОЙНА
— и —
что будетъ дальше.

Переводъ съ англійскаго, съ разрѣшенія автора,
Ек. В.

МОСКВА.
Типографія О. Л. Сомовой, Б. Никитская, д. № 60.
1916.

Оливеръ Лоджъ,
Ректоръ Бирмингамскаго университета.

ВОЙНА
— и —
что будетъ дальше.

КРАТКІЯ ГЛАВЫ О ДѢЛАХЪ БОЛЬШОГО ЗНАЧЕНІЯ ДЛЯ КАЖДАГО ГРАЖДАНИНА.

Переводъ съ англійскаго, съ разрѣшенія автора,
Ек. В.

Изданіе И. И. ВАВИЛОВА.

МОСКВА.—1916.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Война глубоко всколыхнула англійскую общественную жизнь. Въ міровой войнѣ Англія ощутила крушеніе устоевъ европейской цивилизаціи, и англійская общественная мысль лихорадочно заработала, пытаясь намѣтить исходные пункты „новой“ жизни.

Книга проф. Оливера Лоджа, являясь типичной среди массы англійской литературы, посвященной войнѣ, даетъ нѣкоторое представленіе о томъ, какъ англичане пытаются разрѣшить вопросы, поднятые міровой войной.

Едва ли необходимо упоминать о томъ, какъ важно для насъ теперь знакомство съ общественнымъ мнѣніемъ Англіи.

Нѣкоторыя главы и цитаты въ переводѣ сокращены.

Пер.

Опечатка: на стр. 48, стр. 16 снизу, напечатано: **въ XV вѣкѣ,** слѣдуетъ читать **въ X вѣкѣ.**

ЧАСТЬ I.

ПРОШЛОЕ.

Corruptio optimi pessima.

Можетъ показаться неважнымъ то, что думаетъ одинъ человѣкъ въ странѣ съ 36 милліонами жителей; и все же судьба всей страны зависитъ въ конечномъ счетѣ отъ взглядовъ и поведенія каждаго изъ ея гражданъ въ отдѣльности.

Е. де Селинкуръ.
(*E. de Sélincourt*).

English Poets & The National Ideal.

Война и что будетъ дальше.

ГЛАВА I.

Вѣкъ германской философіи.

Почему такъ невыносимъ для насъ взрывъ дикости въ эту войну? Потому что онъ посягаетъ на самое для насъ дорогое и топчетъ въ грязь прекрасное прошлое. Въ прежней Германіи намъ многое казалось отраднымъ, она привлекала насъ тишиной своихъ университетовъ, мы искали въ ней отдыха отъ нашей дѣловой и шумной, торговой и политической жизни.

Позвольте мнѣ на примѣрахъ изъ германской литературы показать все значеніе и силу произведеннаго этой войной разрушенія.

Остановимся на философіи Канта, Фихте и Гегеля.

Достаточно уже немногихъ выдержекъ изъ ихъ сочиненій, чтобы дать ясное представленіе о томъ душевномъ мірѣ, въ которомъ они жили и работали, о томъ, какъ далека была тогда Германія отъ подчиненія прусскому милитаризму.

Въ далекомъ Кенигсбергѣ, въ Восточной Пруссіи, на памятникѣ Иммануилу Канту можно прочесть величайшія, пожалуй, изъ когда-либо написанныхъ имъ словъ:

«Чѣмъ чаще погружаюсь я въ созерцаніе, тѣмъ большимъ благоговѣніемъ проникаюсь я къ двумъ явленіямъ: къ звѣздному небу надо мной и къ закону нравственному во мнѣ».

«Я не могу относиться къ нимъ, какъ къ чему-то внѣшнему и непонятному. Я вижу ихъ. Я сочетаю ихъ непосредственно съ моимъ сознаніемъ и со всѣмъ моимъ существомъ. Первое опредѣляетъ мое отношеніе къ видимому міру—оно приводитъ меня въ соприкосновеніе съ миріадами міровъ,—съ безконечнымъ ихъ движеніемъ, съ ихъ началомъ и концомъ. Второе—находится во мнѣ, оно опредѣляетъ мое отношеніе къ безконечности познанія».

«Первое явленіе низводитъ меня къ сознанію моей ничтожности, оно напоминаетъ мнѣ, что я только ничтожная песчинка на планетѣ, которая сама составляетъ едва замѣтную точку во вселенной. Но второе возвышаетъ меня безгранично. Оно открываетъ мнѣ нравственный законъ, оно даетъ мнѣ разумъ, освобождаетъ меня отъ зависимости отъ внѣшняго міра и открываетъ мнѣ жизнь безконечную».

Послѣдствія этого взгляда на міръ отнюдь не безплодны: практическимъ его слѣдствіемъ является дружелюбное стремленіе къ совмѣстной, кооперативной работѣ всего человѣчества для осуществленія лучшаго будущаго.

Въ своей книгѣ «Германская философія и ея отношеніе къ войнѣ» проф. Мюирхэдъ говоритъ: «Въ твореніяхъ Канта раскрывалась возможность стремиться къ мирному сотрудничеству государствъ не на основаніяхъ средневѣковой догмы, юридическихъ спекуляцій или мечтаній, но на основаніи зрѣлыхъ философскихъ убѣжденій».

Эту-то мысль и разработалъ Кантъ на склонѣ своихъ дней въ краткомъ очеркѣ «Къ вѣчному миру». Необходимыя условія такого мира Кантъ свелъ къ нѣсколькимъ положеніямъ: «Ни одинъ мирный договоръ съ тайнымъ сохраненіемъ поводовъ къ будущей войнѣ не можетъ имѣть дѣйствительнаго значенія. Ни одно государство (малое или большое) не должно присоединяться къ другому путемъ обмѣна, дара или покупки. Постоянныя арміи должны

быть уничтожены. Не должны заключаться займы для внѣшнихъ операцій. Ни одно государство не должно вмѣшиваться въ основные законы (конституцію) другого государства. Ни одно государство не должно во время войны прибѣгать къ такимъ враждебнымъ дѣйствіямъ, которыя исключали бы возможность взаимнаго довѣрія при заключеніи мира». Кантъ отвергаетъ затѣмъ заговоры и измѣны, какъ политическія средства, онъ предостерегаетъ противъ «карательныхъ войнъ», какъ несовмѣстимыхъ съ понятіемъ государственнаго права. Все это,—говоритъ онъ,—ведетъ къ взаимному недовѣрію между народами. Если все это будетъ примѣняться, война будетъ неизбѣжна и поведетъ къ тому вѣчному миру, который человѣчество найдетъ только въ великой тишинѣ кладбища.

«Тотъ фактъ,—говоритъ Кантъ,—что благодаря общности человѣческихъ интересовъ и солидарности между народами нарушеніе права, гдѣ бы оно ни совершалось, остро чувствуется всѣми, заставляетъ считать мысль объ объединеніи всего человѣчества не фантазіей, а необходимымъ расширеніемъ неписанаго, но единаго права всѣхъ государствъ и народовъ».

Всѣмъ тѣмъ, которые сомнѣваются или смотрятъ на постоянный международный миръ, какъ на несбыточную мечту, проф. Мюирхэдъ отвѣтилъ бы: «Мы должны считаться не съ тѣмъ, что *можно* сдѣлать, а съ тѣмъ, что *должно* сдѣлать. Мы должны постепенно научиться говорить о международной политикѣ, какъ мы говоримъ о личныхъ отношеніяхъ: «Я долженъ,—значитъ я могу».

То же говоритъ и германскій философъ Гегель:

«Сдерживающимъ началомъ для насъ является не сила, а глубокое, врожденное чувство порядка, живущее во всѣхъ насъ». Гегель всячески порицалъ своего современника фонъ-Халлера, который говорилъ, подобно современному нѣмецкому историку Трейчке, что по «вѣчному закону Бога сильнѣйшій будетъ властвовать всегда и всюду», и который поэтому съ пренебреженіемъ отзывался о тѣхъ

правахъ и свободахъ, которыя народы старались закрѣпить путемъ законодательныхъ актовъ въ Германіи и въ Англіи въ Великой Хартіи Вольностей и въ Законѣ о Правахъ. «Халлеръ,—говорилъ Гегель,—смѣшиваетъ силу права съ правомъ силы. Сила, о которой онъ говоритъ, это—не сила права, а сила хищника, пожирающаго ягненка».

«Война—не неизбѣжность, а политическая ошибка. Въ политикѣ необходимы искусства, наука, вѣра—все, что создаетъ богатство жизни и охраняется государствомъ. Но государство еще далеко отъ совершенства. Оно должно приблизиться постепенно къ тому духу Вселенной, предъ лицомъ котораго происходитъ оцѣнка всѣхъ вещей. Будемъ поэтому,—говоритъ Гегель,—привѣтствовать зарю лучшихъ дней, когда духъ, пока изгнанный, вернется, чтобы основать свое царство.

То же находимъ и у Канта:

«Мы встрѣтимъ и поклонимся Царству Небесному, какъ только въ народномъ сознаніи проснется мысль, что всѣ усилія и вѣрованія церквей должы быть направлены къ одной общей цѣли—къ Божественному единенію на землѣ. Потому что это стремленіе побуждаетъ къ безконечному совершенствованію, и оно, какъ сѣмя, прорастающее и производящее другія сѣмена, подобныя себѣ, заключаетъ въ себѣ все, что когда-нибудь просвѣтитъ міръ».

Наконецъ Фихте говорилъ:

«Всѣ вѣка и всѣ мудрые и добрые, когда-либо жившіе на землѣ, умоляютъ васъ объ одномъ: они умоляютъ васъ сохранить и спасти Божественную сущность человѣка».

Эти слова, обращенныя ко всѣмъ народамъ, кажутся теперь забытыми въ Германіи.

———

ГЛАВА II.

Характеръ германцевъ: въ чемъ ихъ сила и ихъ слабость.

Какъ опредѣлить основную и существенную разницу во взглядахъ англичанъ и германцевъ? Намъ поможетъ въ этомъ отношенiи статья барона V. Hügel'я, напечатанная недавно въ журналѣ The Quest (апрѣль 1915): онъ говоритъ въ ней о томъ, что для англичанъ никогда опредѣленная система не составляла такой потребности, какъ для германцевъ.

«Для англичанъ всякая теорія и система по существу непріятна, какъ стѣсняющая личную свободу. Для германца, наоборотъ, система—врожденная потребность. Это дѣлаетъ ихъ педантичными, упрямыми и даже жестокими,—раціоналистами и доктринерами».

«Германцы—чувствительный и сентиментальный народъ, но въ то же время они выражаютъ иногда свои, напримѣръ, патріотическія чувства въ такой формѣ, что она граничитъ съ грубостью.

Этнологъ Кинъ*) (A. H. Keane) пишетъ: «Германцы несомнѣнно способны глубоко чувствовать природу, поэзію и способны беззавѣтно отдаваться своему дѣлу, но вмѣстѣ съ тѣмъ они легко выходятъ изъ себя, становятся раздражительными, злыми и жестокими, даже преслѣдуя высшую цѣль».

Вообще трудно понять, говоритъ Кинъ, какъ возможенъ былъ противоестественный союзъ образованныхъ классовъ германскаго общества, все же полныхъ идеализма, съ холодной, разсчетливой и циничной системой прусской «реальной политики», основанной на открытомъ признанiи безнравственной политики маккіавеллизма.

---

*) „The living Races of Mankind".

Эта безнравственность обычно готова прорваться во время войны въ полуцивилизованныхъ народахъ, но она сдерживается высшими властями. Въ Пруссіи такой «высшей» власти не оказалось, и жестокости съ начала войны проявились со всей силой, не сдерживаемыя, а поощряемыя властями.

Въ такой обстановкѣ всякій разговоръ о мирныхъ договорахъ и конференціяхъ, конечно, сталъ казаться безцѣльнымъ. Вѣчный миръ между жестокими нецивилизованными народами, конечно, невозможенъ. Тѣмъ болѣе, что свою жестокость германцы начинаютъ основывать на соотвѣтственной философіи и языческой религіи.

Цивилизованный міръ не можетъ не ополчиться противъ этой враждебной ему силы.

ГЛАВА III.

Возвратъ къ матеріализму.

Философія народа имѣетъ гораздо большее вліяніе на жизнь народа, чѣмъ обычно думаютъ. Можно не называть ее этимъ именемъ; люди могутъ воображать, что они собственно не придерживаются никакихъ опредѣленныхъ философскихъ убѣжденій; но въ сущности они у нихъ есть, хотя опредѣляются эти убѣжденія обычно только учеными и профессорами. Можно полагать, что ставить недавнее поведеніе германцевъ въ связь съ философіей матеріализма—рискованно и опасно. Но это невѣрно. Для того, чтобы убѣдить въ этомъ, нужны, конечно, доказательства. Идеи—не чуждыя и не далекія отъ жизни вещи, но *движущія силы*, непрерывно измѣняющія характеръ человѣка и руководящія его поступками.

Поэтому, какъ говоритъ проф. Мюирхэдъ, «столкновеніе вооруженныхъ силъ, которое происходитъ на нашихъ глазахъ, есть въ сущности столкновеніе противоположныхъ

другъ другу идей, столкновеніе различныхъ убѣжденій о томъ, что составляетъ основу жизни и всего міра. Это расхожденіе въ основныхъ взглядахъ на жизнь произошло потому, что мысль германцевъ измѣнила своей традиціи, откололась отъ всего, что раньше проникало ея духовную жизнь. Это не прогрессивное явленіе, а исторія раскола и реакціи».

Матерія и духъ.

Существуютъ два явленія физическаго міра — матерія, съ одной стороны, и эѳиръ пространства—съ другой. Практически они различны, хотя тѣснымъ образомъ связаны. Различныя по существу, они связаны въ дѣйствіи: всякое дѣйствіе состоитъ въ превращеніи энергіи матеріи въ энергію эѳира, и обратно; каждый разъ, когда производится какая-либо работа, статическая сила матеріи переходитъ въ движущую силу эѳира, и обратно. Эти превращенія иногда происходятъ очень быстро, по нѣскольку разъ въ $^1/_{100}$ долю секунды, а иногда остаются безъ превращенія милліоны лѣтъ въ видѣ той или другой формы энергіи. Основная природа этихъ силъ въ сущности не ясна, но кинетическую, движущую силу эѳира можно, пожалуй, разсматривать какъ основную, а статическую силу матеріи, какъ ея видоизмѣненіе. Пусть это будетъ примѣромъ.

Вѣдь существуютъ также два воспріятія Вселенной. Можетъ-быть, ихъ и больше, но во всякомъ случаѣ есть два: матеріальное и духовное, и человѣческая жизнь состоитъ въ ихъ взаимодѣйствіи. Вдумчивое отношеніе къ міру заставляетъ признать то и другое. Если одно изъ нихъ способно преобладать, то это, вѣроятно, духовное начало—духъ, разумъ, душа, пониманіе—то, въ чемъ проявляется жизнь, въ чемъ выявляется ея высшая сущность. Духъ и матерія различны между собой, но тѣсно объединены въ своемъ проявленіи, и всѣ явленія жизни и разума

выявляются въ ихъ превращеніяхъ посредствомъ нервовъ и мозга.

Основной тонъ матеріальной вселенной—это круговое, вращательное движеніе,—атомы видоизмѣняются, проходятъ различныя стадіи, ступени превращенія, но постоянно возвращаются въ свое первоначальное состояніе,—примѣръ такого кругового движенія мы видимъ въ постоянномъ превращеніи воды въ паръ и потомъ въ обратномъ превращеніи пара въ водяныя капли въ видѣ дождя. Тотъ же примѣръ кругового явленія мы видимъ въ накопленіи съ помощью солнечной энергіи растеніями изъ составныхъ частей воздуха древесной массы и освобожденіе этой массы, возвращеніе ея составныхъ частей въ воздухъ, путемъ сгоранія: тѣ же атомы, или молекулы, затѣмъ вновь закрѣпляются солнечнымъ свѣтомъ въ тканяхъ листьевъ растеній. Мы видимъ постоянное возвращеніе атомовъ въ прежнее состояніе, какъ бы статическое, не прогрессивное состояніе матеріальной вселенной. То же постоянное возобновленіе и круговое превращеніе проявляется и въ жизни моря. Накопленіе солнечной энергіи въ моряхъ мало уступаетъ по своему значенію накопленію солнечной энергіи на сушѣ. Въ морѣ химическія молекулы усваиваются сначала водорослями, водоросли—моллюсками, моллюски—мелкой рыбешкой, рыбешки—большими рыбами, а рыба—человѣкомъ. Затѣмъ наступаетъ разложеніе вещества низшими организмами и обратный переходъ его съ помощью бактерій къ діатомовымъ водорослямъ, все то же вѣчное круговращеніе вещества.

Такъ же смѣняются въ видимомъ мірѣ день и ночь, времена года, рожденіе и смерть. Но въ этомъ мірѣ постоянныхъ превращеній неповторяемой является душа человѣка.

Основной тонъ психическаго, духовнаго міра—неповторяемое, прогрессивное измѣненіе; въ духовномъ мірѣ нѣтъ возврата къ исходнымъ стадіямъ. Духъ, то, что мы называемъ силой душевной, дѣйствуетъ на основаніи матеріаль-

ной силы, преодолѣвая сопротивленіе матеріи. Мы употребляемъ матерію «прахъ земли» для выявленія своей личности, для утвержденія своихъ мыслей, своихъ достиженій, которыя не матеріальны, но заставляютъ матерію служить нашимъ задачамъ.

Въ этомъ состоитъ творчество художника. Художникъ — тотъ, кто можетъ съ помощью матеріальныхъ вещей выражать красоту и мысль, которыя онъ иначе не могъ бы передать другимъ. Художникъ владѣетъ искусствомъ распредѣленія красокъ, онъ формуетъ глину, выбиваетъ камень или строитъ зданіе—и создаетъ картину, статую, церковь, поэму, симфонію. Въ картинѣ лишь искусно расположены химическія составныя части—краски, и все же сколько она можетъ передать душевной силы, сколько мысли и чувства! Мысль и чувство художника воспринимаются мыслью и чувствомъ другихъ людей и передаются послѣдующимъ поколѣніямъ, которымъ они становятся дороги и необходимы. Мысль — по существу творческое, созидающее начало, мысль способна создавать вещи, никогда еще не бывшія въ мірѣ; и матерія—то средство, съ помощью котораго выявляется мысль.

Сопротивленіе матеріи заставляетъ художника напрягать всѣ свои силы, оно заставляетъ напрягать свои силы и насъ. Овладѣніе матеріей трудно—матерія инертна. Эту инерцію, эти затрудненія надо преодолѣвать—въ этомъ преодолѣніи и состоитъ эволюція—подъемъ къ высшему достиженію. Такъ создается жизнь, — богатство жизни, полнота и возвышеніе жизни.

Но всегда существуетъ опасность, что матеріальная сторона затмитъ духовное начало, и самое его существованіе будетъ отрицаться. Какъ и въ физикѣ, матерія очевидна и постоянно воспринимается нашими чувствами, эѳиръ же нами не ощущается, и даже его существованіе отрицается, напримѣръ, современными германскими физиками. Такъ и по отношенію ко вселенной. Наши чувства приспособлены по своему происхожденію къ воспріятію ма-

теріальныхъ вещей. Все остальное намъ кажется спорнымъ и можетъ совершенно отрицаться неподготовленными и не особенно чуткими людьми. Переоцѣнка значенія матеріальной стороны вещей можетъ быть воспринята цѣлымъ народомъ, и тогда становится возможнымъ разрушеніе сокровищъ искусства только потому, что это разрушеніе означаетъ матеріальную побѣду.

Матеріалистическое толкованіе Вселенной стало преобладать въ современной Германіи, отшатнувшейся отъ своей философіи минувшаго вѣка. За послѣдніе годы поверхностная матеріалистическая философія Геккеля привела къ возникновенію ученія «детерминизма», предопредѣленія, согласно которому люди сводятся къ автоматамъ, лишеннымъ всякой отвѣтственности за свои поступки. Эта механическая философія теперь приноситъ свои плоды.

Казалось, всегда существовала какая-то кошмарная возможность, что механическая сторона жизни подчинитъ себѣ человѣчество.

«Есть цѣлый народъ, которому суждено было попробовать осуществить эту возможность», говоритъ Бергсонъ,— «Мысль, свойственная XIX вѣку, что овладѣніе механической силой машинъ сдѣлаетъ человѣка всемогущимъ, снабдила дѣйствительно человѣчество за послѣднія 50 лѣтъ такой механической силой, какой раньше оно не владѣло въ теченіе тысячелѣтій. Но душа человѣка не поспѣвала за этимъ ростомъ внѣшняго могущества, и послѣдствія этого негармоничнаго роста мы испытываемъ на себѣ» *).

ГЛАВА IV.

Отрицаніе христіанства.

Германія стала за послѣдніе годы отрицать не только идеализмъ, она стала отрицать и христіанство. Христіан-

*) Hibbert Journal, апрѣль, 1915 г.

ство всегда казалось чуждымъ духу германцевъ. Самое признаніе силы, какъ главнаго фактора въ жизни, было уже примѣненіемъ атеизма на практикѣ. Германцы не отказываются отъ употребленія слова «Богъ», но вѣдь этимъ словомъ можно называть, какъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ, олицетвореніе жестокости и мести. Правда, мы думали, что цивилизованные народы неспособны къ проявленію подобной жестокости, но видимъ, что ошиблись.

Нападки Геккеля на христіанство имѣли своимъ прямымъ послѣдствіемъ разрушеніе Лувэна. Какъ будто бы въ Германіи еще жива вѣра въ божественность Тора и Одина, бога войны. Какъ будто правъ былъ Гейне, который предсказывалъ: «Когда сломлена будетъ сила креста, тогда воскреснутъ древніе боги, и богъ грома и молніи, Торъ, подниметъ свой огромный молотъ и однимъ ударомъ разрушитъ готическіе соборы».

Это пророчество исполнилось даже точнѣе, чѣмъ, можетъ-быть, предполагалъ самъ Гейне.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Германія нисколько не отказывается отъ религіознаго вліянія. Въ задачи Германіи входитъ не только образованіе міровой имперіи, но и міровой религіи. Вотъ что писалъ проф. Крэмбъ по этому поводу:

«Какую роль суждено сыграть Германіи въ исторіи человѣческой мысли? На этотъ вопросъ современная Германія отвѣчаетъ: «Намъ предназначена въ области религіи та творческая роль, отъ которой мы отказались 14 столѣтій тому назадъ. Іудея и Галилея распространили свое мрачное вліяніе на Грецію и на Римъ, когда они клонились къ упадку, но Германію Іудея и Галилея поразили на зарѣ ея существованія. Германія и весь германскій міръ свершили въ V вѣкѣ величайшую ошибку: они покорили Римъ, но приняли вѣру и культуру побѣжденнаго народа. Творческія способности германцевъ въ области религіи, ихъ самобытное религіозное чувство были исковерканы и не получили дальнѣйшаго развитія. Въ теченіе болѣе чѣмъ 30 поколѣній старалась Германія приспособиться къ чуждой

для нея религіи, молиться Богу, который былъ чуждъ ей, жить чуждымъ ей міровоззрѣніемъ и стремиться къ чуждымъ ей небесамъ. Но постепенно Германія поняла свою ошибку. Создавая міровую имперію, Германія создастъ и новую міровую религію. Ни одинъ народъ со времени французской революціи не задавался этой цѣлью. Но Германія свершитъ то, чего не могла свершить Англія».

Вотъ приблизительно цѣль Германіи и вотъ на чемъ основана ея самоувѣренность въ стремленіи основать міровую имперію.

Только, къ несчастью, Германія въ своемъ стремленіи полностью восприняла ученіе Маккіавелли, основанное на пренебрежительномъ отношеніи къ человѣку, какъ къ лживому и себялюбивому существу. Ученіе Маккіавелли основано на двухъ положеніяхъ: 1) что цѣль оправдываетъ всѣ средства и 2) что христіанство ведетъ къ политическому и національному оскудѣнію, такъ какъ вѣрующіе и совѣстливые люди по отношенію къ невѣрующимъ находятся въ невыгодномъ положеніи, и міръ поэтому долженъ подпасть подъ власть невѣрующихъ и безнравственныхъ.

Маккіавелли учитъ, когда съ выгодой для себя можно нарушить данное слово, обмануть своихъ помощниковъ, предать союзника и т. д.; особенно совѣтуетъ онъ дѣйствовать хитростью, такъ какъ «тогда сильный дѣлается не только львомъ, но и лисой»...

Возможно, что христіанство не всѣмъ одинаково доступно. Одни народы воспринимаютъ его съ большимъ трудомъ, чѣмъ другіе. Германцы отказались отъ христіанства, и мы видимъ послѣдствія этого отказа.

Проф. Крэмбъ*) даетъ въ общемъ замѣчательный очеркъ германской «религіи Власти». Его изложеніе ученія Трейчке напоминаетъ страницы Гиббона, посвященныя Юліану и его борьбѣ съ христіанствомъ. Тогда Римъ боролся съ Галилеей, и въ концѣ концовъ императоръ при-

*) «Германія и Англія», стр. 98 (К-во Писателей).

зналъ себя побѣжденнымъ. Теперь эта борьба воскресаетъ въ видѣ борьбы какой-то наполеонической идеи: Корсика борется съ Галилеей. Посмотримъ, кто изъ нихъ побѣдитъ.

И Наполеонъ стремился къ міровому господству, а умеръ на островѣ св. Елены, и у него были широкіе планы—онъ хотѣлъ добра Франціи и собирался многое сдѣлать для міра, какъ только получитъ эту высшую власть.

Къ тому же теперь стремится Пруссія. Пруссія вѣритъ въ превосходство германской мысли, культуры и характера и хочетъ покорить имъ міръ. Она прибѣгаетъ при этомъ къ внѣшней силѣ, борьбѣ и завоеванію, потому что борьба—часть ея религіи, какъ и часть мусульманской вѣры. Въ этомъ теперешнее ея преимущество надъ христіанствомъ, которое является по существу религіей мира и всепрощенія. Борьба поэтому оказывается неравной; такъ бы оно и было, если бы все зависѣло отъ силъ земныхъ. Казалось бы, что на сторонѣ наиболѣе подготовленныхъ и вооруженныхъ государствъ въ этой войнѣ всѣ преимущества. Если бы мы были побѣждены—послѣдствія пораженія были бы такъ ужасны, что мысль отказывается на нихъ останавливаться. Ясно одно, что намъ предстояло бы рабство и подчиненіе, о которомъ мы до сихъ поръ читали только въ книгахъ.

И все же, что остановило германцевъ, когда они 3 сентября подступали къ Парижу? Не знаю; сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь зналъ вообще. Эта война—война противъ матеріальныхъ силъ и противъ душевнаго убожества. Я сознаюсь, что вѣрю въ помощь свыше.

ГЛАВА V.

Нравственная сила народовъ.

Сущность христіанства заключаетъ въ себѣ вѣру въ побѣду слабыхъ надъ сильными. Для Пруссіи это—безсмы-

слица, такъ какъ одинъ изъ прусскихъ писателей сказалъ, что слабость—величайшій грѣхъ противъ Духа Святого. Сила, власть, возможность заставить другихъ подчиняться своей волѣ—вотъ въ чемъ цѣль Пруссіи. Сопротивленіе сильной власти вызываетъ крайнее возмущеніе въ Пруссіи, и все же не покорится ли ея сила этой слабости, не станутъ ли слабые народы причиной ея гибели? Пруссія боится Россіи; Пруссія говоритъ, что уважаетъ Францію, хотя и хотѣла бы навсегда ее уничтожить; Пруссія ненавидитъ Англію и старается презирать ее; но страна, которая станетъ причиной гибели Пруссіи,—та, которую она не ставила ни во что и которую она грубо попрала,—Бельгія.

Если бы не сопротивленіе Бельгіи, если бы не мужество бельгійскаго короля, - непоправимо измѣнилось бы лицо Европы, и міръ, можетъ-быть, покорился бы грубой власти. Лѣто 1914 года было откровеніемъ для Европы. Мы были свидѣтелями того, какъ честно и мужественно всталъ маленькій народъ на защиту своей независимости отъ всесокрушающей силы зла и порабощенія.

Нападеніе Германіи было разсчитано до мелочей; все было подготовлено и предусмотрѣно. Если бы не сопротивленіе Бельгіи—Франція была бы разбита прежде, чѣмъ она могла бы опомниться. Весь планъ германцевъ былъ основанъ на быстротѣ и внезапности нападенія; чего они не предусмотрѣли—это беззавѣтнаго героизма и мужества, которому не было мѣста въ ихъ расчетахъ.

Нейтралитетъ Бельгіи.

Не безъ основанія нейтралитету Бельгіи придавалось всегда такое значеніе. Этотъ нейтралитетъ много разъ подтверждался международными договорами. Въ 1870 году достаточно было заявленія Англіи, что она выступитъ противъ нарушителя бельгійскаго нейтралитета, чтобы и Пруссія и Франція подтвердили свои обязательства соблюдать

этотъ нейтралитетъ. Только при такомъ условіи и возможно вообще существованіе маленькихъ государствъ.

Почему же на этотъ разъ не помогло заявленіе Англіи? Оттого, что никто не предполагалъ, что мы дѣйствительно выступимъ на защиту Бельгіи.

Въ прошломъ достаточно было одного слова Англіи, чтобы оно возымѣло должное дѣйствіе. Теперь это слово потеряло прежнее значеніе. Почему же наши враги не дооцѣнили на этотъ разъ нашу рѣшимость? Не потому ли, что мы раньше спокойно смотрѣли на Болгарію, отданную во власть турокъ? Не потому ли, что, взявшись за защиту Арменіи, мы вернули Македонію Турціи и не заступились за армянъ, избиваемыхъ турецкими властями, не попытались покончить съ турецкими порядками въ Македоніи? Мы не вступились и за Данію и не вернули ей Гольштинію. Обвиняли насъ и въ противозаконномъ присвоеніи въ Южной Африкѣ «виноградника Ахава» и въ неблаговидныхъ поступкахъ нашу дипломатію. Все это, конечно, гораздо сложнѣе, и многія изъ этихъ обвиненій несправедливы, но все же въ результатѣ моральный авторитетъ Англіи пошатнулся. Теперь мы возстановили его тяжелой цѣной. Постараемся сохранить его отнынѣ.

ГЛАВА VI.

Современная философія Германіи.

Ницше считалъ милитаризмъ гибельнымъ для Германіи и въ своихъ «Несвоевременныхъ размышленіяхъ» онъ говоритъ: «Побѣды Пруссіи достигаются суровой военной дисциплиной и другими условіями, не имѣющими ничего общаго съ культурой; если этимъ условіямъ дадутъ развиться, они убьютъ нѣмецкую мысль; а когда это будетъ сдѣлано, неизвѣстно, что вообще останется отъ Германіи».

Предостерегалъ также и Моммсенъ: «Надо заботиться,

чтобъ въ этой странѣ, сильной одновременно и въ военномъ и въ духовномъ отношеніи, не исчезла бы сила духа и не осталось бы одно только военное государство».

Послѣ франко-прусской войны Ницше писалъ: «Въ побѣдѣ есть своя опасность. Величайшее заблужденіе нашего времени въ томъ, что мы считаемъ эту побѣду дѣломъ германской культуры. Въ настоящее время и общественная и частная жизнь Германіи, наоборотъ, обнаруживаютъ крайній недостатокъ культуры». И опять въ «Человѣческомъ, слишкомъ человѣческомъ» онъ пишетъ: «Главнѣйшій недостатокъ національныхъ армій въ томъ, что онѣ губятъ лучшихъ людей въ странѣ; только рѣдкому счастливому стеченію обстоятельствъ обязаны мы тѣмъ, что такіе люди вообще появляются въ мірѣ; поэтому какъ бы мы должны были ихъ беречь, какъ заботливо оберегать ихъ, но... какъ греки валялись въ крови грековъ, такъ теперь европейцы проливаютъ кровь европейцевъ; и гибнутъ относительно самые храбрые и совершенные, такъ какъ они подвергаютъ себя наибольшей опасности». Такъ Ницше открыто высказался противъ войны, которая губитъ какъ разъ то, что должно быть особенно цѣнно человѣчеству.

Но не всегда Ницше выражался такъ ясно. Его слова иногда можно толковать по разному, и удивительно то, что нѣмцы сумѣли усвоить у Ницше какъ разъ то, чего онъ, напримѣръ, въ «Заратустрѣ» никоимъ образомъ не могъ имѣть въ виду. И, наконецъ, когда разумъ уже сталъ измѣнять Ницше, нѣмцы смогли пойти за нимъ. Мнѣ жаль, что для доказательства воспринятыхъ въ Германіи мыслей Ницше я принужденъ привести нѣсколько невѣроятныхъ по своему безумію цитатъ:

Говоря о французской аристократіи передъ французской революціей и объ ея отношеніи къ крестьянству, Ницше оправдываетъ это отношеніе слѣдующимъ образомъ: «Основное условіе настоящей здоровой аристократіи то, что она должна считать себя не частью общества, но его

высшимъ проявленіемъ; поэтому она должна со спокойной совѣстью принимать въ какомъ угодно количествѣ жертвы мужчинами и женщинами, которые ради нея должны быть угнетены и превращены въ рабовъ, въ рабочія машины. Аристократія должна вѣрить, что общество не можетъ существовать ради самого себя, а должно существовать только ради немногихъ избранныхъ, которые и могутъ посвящать себя своему высшему призванію и одни только могутъ подняться до высшаго существованія».

(«По ту сторону добра и зла»).

И опять: «Рискуя оскорбить невинный слухъ, я заявляю, что эгоизмъ—основа благородной жизни». Эту фразу еще можно толковать, какъ приближеніе къ евангельскому эгоизму отреченія, но дальше Ницше поясняетъ ее такъ: «Я говорю о томъ, что такимъ существамъ, какъ мы, другія существа должны подчиняться и приносить себя въ жертву».

Это совсѣмъ въ духѣ Наполеона.

А вотъ какъ выражаются теперь подобные взгляды, напримѣръ, въ статьѣ г-на К. Ф. Вольфа въ «Панъ-германскомъ Листкѣ» (сентябрь, 1914 г.):

«Существуютъ расы господствующія и расы низшія. Политическія права добываются только войной и составляютъ исключительную привилегію высшихъ расъ. Это научный, біологическій законъ... Абсолютно недопустимо, чтобы высшая раса, размножаясь, оставалась въ своихъ тѣсныхъ границахъ въ то время какъ низшія расы по другую сторону этой границы живутъ себѣ на свободѣ. Низшая раса не должна обучаться въ школахъ господствующей расы, для нея вообще не должно быть школъ, и ея языкъ не долженъ допускаться въ общественныхъ мѣстахъ. Необходимо подавлять всякія ея попытки къ возстанію и при этомъ не стѣсняться въ средствахъ—и отнюдь не обременять тюрьмы! Такъ побѣдители съ успѣхомъ могутъ уничтожить побѣжденныхъ и навсегда искоренить предраз-

судки, которые заставили бы требовать для такой расы права на самоопредѣленіе».

Едва ли возможны къ этому еще какіе-либо комментаріи и добавленія.

Ницше не подозрѣвалъ, что есть высшія и низшія расы, но онъ считалъ, что въ каждомъ народѣ есть аристократы и «масса», живущая въ болѣе или менѣе рабскихъ условіяхъ существованія. Но г-нъ Вольфъ приписываетъ аристократическія свойства цѣлому народу—германцамъ, а рабство считаетъ удѣломъ другого народа—очевидно, удѣломъ французовъ*). Мысли Ницше несомнѣнно подверглись въ обработкѣ г-на Вольфа нѣкоторой подтасовкѣ, но надо полагать, что она довольно характерна для современной Германіи.

Тѣмъ не менѣе и самъ Ницше не разъ въ своихъ сочиненіяхъ давалъ поводъ къ самому невѣроятному толкованію своихъ словъ. Не цитируя одну изъ самыхъ злыхъ его книгъ («По ту сторону добра и зла»), остановимся на выдержкѣ изъ его «Генеалогіи морали», которая часто приводилась въ послѣднее время въ связи съ жестокой расправой германцевъ въ Бельгіи:

«Тѣ самые люди, которые хорошими манерами, привычками, подобострастіемъ и привязанностью, но еще больше соревнованіемъ и взаимной подозрительностью удерживаются *между равными* въ извѣстныхъ границахъ, которые обычно выказываютъ по отношенію другъ къ другу столько вниманія, уступчивости, деликатности, гордости и дружбы—эти самые люди по отношенію къ чужимъ людямъ и чужимъ странамъ оказываются не многимъ лучше освобожденныхъ изъ клѣтки хищниковъ. Тутъ-то они и наслаждаются свободой отъ всякихъ обязательствъ... они возвращаются къ невинности хищнаго животнаго, становятся забавляющимися чудовищами, спокой-

*) Или поляковъ и славянъ вообще. Необходимо отмѣтить, что Ницше по происхожденію былъ полякъ. *Прим. перев.*

но продолжающими свой путь послѣ ряда убійствъ, пожаровъ и насилій, съ такой же легкостью и единодушіемъ, какъ будто бы они принимали участіе въ студенческихъ проказахъ.

... Въ глубинѣ всѣхъ этихъ благородныхъ расъ несомнѣнно притаилось хищное животное, «свѣтловолосая бестія», ищущая добычи и побѣды. Отъ времени до времени этотъ звѣрь требуетъ себѣ свободы и возврата къ звѣриной жизни».

Основанія для такого поведенія излагаются самымъ беззастѣнчивымъ образомъ:

«Что жертвы хищниковъ должны чувствовать къ нимъ отвращеніе — нисколько не удивительно; но обвинять намъ этихъ хищниковъ не за что. И если овцы говорятъ между собой: эти хищники — зло, и не должны ли мы считать за добро все, что не похоже на нихъ и составляетъ ихъ противоположность? то нѣтъ основаній возражать имъ на ихъ идеалъ; только хищники довольно презрительно отнесутся къ нему и скажутъ: «Мы не споримъ съ этими добрыми овцами; наоборотъ, мы очень любимъ ихъ, потому что намъ по вкусу именно нѣжные ягнята».

Германцы говорятъ теперь, что они ненавидятъ Англію и любятъ Францію и Бельгію. Если бы не ужасныя послѣдствія этой философіи, эти слова могли бы показаться забавными и напоминающими ту мать, которая хотѣла сдѣлать изъ сына мясника, потому что онъ очень любилъ животныхъ.

Но довольно объ этомъ безуміи! Вся отвѣтственность за него ложится на тѣхъ, кто воспользовался имъ для своихъ низменныхъ цѣлей.

Ученіе Ницше превратностью судьбы было воспринято не тѣми, для кого оно предназначалось. Покорные и угнетенные, къ которымъ обращался Ницше съ цѣлью освободить ихъ отъ униженія, не услышали его. Да и невозможно по существу превратить голубя въ ястреба и св. Франциска въ Наполеона. Каковъ бы ни былъ истинный смыслъ

ницшеанства, германцы использовали его самымъ недвусмысленнымъ образомъ.

Но вспомнимъ нашего поэта-гражданина Вордсворта:

«Все, что безнадежно безнравственно по своему несовершенству, неминуемо погибаетъ: оно обречено на разложеніе».

Если бы Германія, говоритъ Брэдлей, побѣдила въ эту войну, она продолжала бы нѣкоторое время развивать свою философію. Но каждый, кто любитъ ея музыку, поэзію и ея прежній идеализмъ, не можетъ не пожелать ея пораженія для блага ея собственнаго народа и для блага всѣхъ другихъ народовъ.

ГЛАВА VII.

Борьба двухъ міровоззрѣній.

Недостойные, мы избраны. На насъ выпала задача защищать право и правду. Мы защищаемъ истину и духовное начало жизни. Въ этомъ наша сила и спасеніе.

Намъ нечѣмъ особенно гордиться, но мы не имѣемъ основанія и умалять свое значеніе. День испытаній показалъ намъ и наши недостатки и наши заслуги. Мы способны встать на защиту своихъ убѣжденій, мы стараемся быть справедливыми во всемъ; и это намъ, вообще говоря, удается. Не всегда, правда, въ торговой горячкѣ, но всегда въ открытомъ бою. Въ насъ развито чувство чести и въ насъ живо чувство отвращенія къ жестокости и проявленіямъ дикости. Во всемъ этомъ насъ часто не понимаютъ. Насъ считаютъ за лицемѣровъ, дѣйствующихъ по себялюбивымъ мотивамъ. Но это не вѣрно. Наоборотъ, мы по своей природной сдержанности часто умалчиваемъ и скрываемъ наши лучшія побужденія. Мы вообще не сентиментальны и не любимъ, чтобы насъ называли добрыми и мягкосердечными. И все-таки это послѣднее вѣрнѣе, чѣмъ первое.

Но даетъ ли такая наивная характеристика вѣрное представленіе о нашихъ національныхъ особенностяхъ? И развѣ другіе народы лишены ихъ? Избави Богъ.

Дѣло только въ томъ, что эта война раскрыла передъ нами такія бездны человѣческой дикости, что невольно стремишься оградить себя отъ нея.

Въ этой войнѣ сталкиваются два міра—свободное, общественное устройство Англіи и идеалъ прусскаго военнаго государства, господствующаго надъ другими и силой навязывающаго свою культуру и свои обычаи. Идеалъ англійскаго общественнаго устройства—это свободный союзъ дружественныхъ государствъ, большихъ и малыхъ, вмѣстѣ работающихъ на благо человѣчества. Идеалъ Пруссіи—это сильная власть, господствующая надъ Европой вопреки желанію остальныхъ народовъ. Это идеалъ военной дисциплины и безпрекословнаго повиновенія. Пока Пруссія вводила эту систему у себя дома, никто не имѣлъ никакихъ основаній выражать свое недовольство. Но разъ эта система проповѣдуется всему міру, намъ необходимо высказаться. Какъ бы привлекательна ни казалась намъ Германія, но если она начинаетъ считать своимъ долгомъ насильно обращать другихъ въ свою вѣру—это очевидное безуміе.

Роковыми для Германіи были ея побѣды въ 1866 и 1870 гг. До этого времени искусство, наука и литература Германіи были источникомъ восхищенія всего міра. Гете, Бетховенъ и Гельмгольцъ покрыли Германію вѣчной славой. Но съ этого времени въ Германіи начался постепенный духовный распадъ. За немногими исключеніями германцы съ тѣхъ поръ утратили вѣру въ лучшую природу человѣка; они открыто и офиціально засвидѣтельствовали свое отрицаніе моральныхъ цѣнностей; они признали верховенство грубой физической силы. Это печально, потому что въ области физическихъ наукъ они совершили чудеса. Какъ не вспомнить чудесныя открытія Герца—этого блестящаго послѣдователя нашего Клерка-Максвелля, кото-

раго ранняя смерть избавила отъ ужасовъ нашего времени; Е. Гольдшмидтъ остроумно расширилъ область практическаго примѣненія открытій Герца. Въ математической физикѣ недосягаемо стоитъ имя Планка; вспомнимъ также и научныя заслуги Ейнштейна: хотя за послѣднее время онъ и разработалъ ученіе о «принципѣ относительности», которое отбрасываетъ за ненужностью большую часть его собственныхъ работъ и многое изъ того, что было сдѣлано въ другихъ странахъ, и которое, если бы оно было признано (какъ оно и было нѣкоторое время), пріостановило бы своимъ огульнымъ и бездоказательнымъ отрицаніемъ поступательное движеніе науки.

Правда, о положеніи біологическихъ наукъ въ Германіи сэръ Рэй Ланкастеръ отзывается съ неодобреніемъ, близкимъ къ презрительности. Но въ механикѣ, химіи и въ изготовленіи различныхъ аппаратовъ германцы достигли большого совершенства; ихъ научные инструменты превосходны; они посвятили себя изобрѣтенію и конструкціи приспособленій, особенно примѣнимыхъ въ военномъ дѣлѣ: въ мирное время мы пользовались искусствомъ ихъ прекрасно обученныхъ механиковъ. Теперь мы сражаемся какъ бы съ населеніемъ машинъ. Германская армія—машина, послушная, преданная, роковая.

Мы, союзные народы, можемъ противопоставить этой машинѣ только людей, личную находчивость и выдержку, — боюсь, ослабляемую недостаточной подготовкой и формализмомъ чиновничества.

Но борьба идетъ не на жизнь, а на смерть. Борются двѣ идеи, изъ которыхъ одна должна побѣдить. Мы отдаемъ за идею въ этой борьбѣ все, что способны дать: силы, средства, жизнь; смерть легче нѣмецкаго ига. Бельгія тому примѣръ.

И все же я допускаю, что господство прусскаго деспотизма въ Германіи явилось результатомъ временнаго тяжелаго обмана. Кто живетъ правдой, кто стремится

въ Германіи къ свободѣ, проснутся, и голоса ихъ, заглушаемые теперь, будутъ услышаны.

Это пробужденіе можетъ проявиться только въ случаѣ пораженія господствующей въ Германіи силы. Поэтому нужно бороться до конца. Невозможно думать сейчасъ о мирѣ; слишкомъ дорогой цѣной покупается побѣда; повтореніе подобной войны немыслимо.

Къ счастью, среди ужасовъ войны уже намѣчается возможность дружественнаго союза европейскихъ державъ, той міровой федераціи государствъ, которую предвидѣлъ Теннисонъ:

Heard the heavens fill with shouting, and there rain'd ghastly dew
From the nations' airy navies grappling in the central blue;
. . . .
Till the war-drum throbb'd no longer, and the battle flags were furl'd
In the Parlament of man, the Federation of the world *).

Да, именно *союзъ дружественныхъ, независимыхъ государствъ, свободныхъ въ развитіи своихъ національныхъ особенностей и своего національнаго генія*, т.-е. тотъ нашъ національный идеалъ, который былъ положенъ въ основу свободнаго развитія нашихъ колоній и создалъ тѣ самоуправляющіеся народы, которые встали теперь на защиту Британской Имперіи.

Если эта федерація осуществится, настоящая война послужитъ ко благу народовъ, не исключая и Германіи; потому что то, что будетъ разбито, будетъ не Германія, а ея заблужденія во взглядахъ на жизнь. Та Германія, которая дала міру столько научныхъ открытій и откровеній въ искусствѣ и литературѣ, сброситъ оковы унизительнаго деспотизма и, я вѣрю, вновь станетъ намъ другомъ.

---

*) Небеса наполнились грохотомъ выстрѣловъ, и падалъ губительный дождь
Съ воздушныхъ кораблей, сражавшихся въ синевѣ неба,
Пока, наконецъ, не смолкъ шумъ войны и свернуты были знамена
Въ Парламентѣ Человѣка, въ міровомъ Союзѣ Державъ.

ГЛАВА VIII.

Двѣ ошибки.

Двѣ роковыхъ ошибки привели Германію къ міровой войнѣ: 1) прославленіе войны на основаніи непониманія началъ дарвинизма и 2) возславленіе силы и власти государства. Разберемъ ихъ.

Первая ошибка—въ толкованіи дарвинизма. «Борьба за существованіе», какъ опредѣлилъ Дарвинъ отборъ наиболѣе приспособленныхъ къ окружающимъ условіямъ организмовъ, отнюдь не означаетъ еще дѣйствительной борьбы или «битвы». Это особенно ясно, если мы вспомнимъ, что опредѣленіе Дарвина о борьбѣ за существованіе и «выживаніи наиболѣе приспособленныхъ» одинаково относится какъ къ животнымъ, такъ и къ растеніямъ. Ясно, что дѣло не въ «убиваніи» себѣ подобныхъ, а во взаимномъ приспособленіи къ суровымъ жизненнымъ условіямъ, къ наличной пищѣ, воздуху и свѣту. Дѣло именно во *взаимномъ* приспособленіи, такъ какъ существуетъ гораздо больше общихъ, кооперативныхъ усилій въ этой борьбѣ съ жизненными условіями, чѣмъ обычно принято думать.

Стоитъ только упомянуть объ общественныхъ животныхъ, о материнской привязанности и т. д.—но сюда же относится и всюду проявляющаяся тѣсная зависимость между міромъ животныхъ и растеній, проявляющаяся въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ, напримѣръ, во взаимныхъ услугахъ, которыя оказываютъ другъ другу насѣкомыя и растенія. Эта зависимость другъ отъ друга и есть проявленіе безсознательной коопераціи и взаимопомощи.

Положенія дарвинизма сводятся затѣмъ къ слѣдующему:

1) Организмы размножаются и способны размножаться безконечно.

2) Способность воспроизведенія такъ велика, что всѣмъ выжить невозможно.

3) Выживаютъ наиболѣе приспособленные къ окружающимъ условіямъ.

4) Особенности индивидуумовъ передаются ихъ потомству.

5) Раса постепенно приспособляется къ окружающимъ условіямъ.

6) Условія существованія и законы наслѣдственности, такимъ образомъ, управляютъ отборомъ (селекціей).

Наиболѣе спорными положеніями оказываются въ настоящее время 4-ое и 5-ое. Вѣроятно, они не разрѣшаютъ вопроса во всей его сложности, но отрицать эти положенія невозможно, и очень важно, что эти внѣшнія, окружающія насъ условія существованія находятся въ нашихъ рукахъ и ихъ измѣненіе зависитъ часто отъ насъ самихъ.

Что необходимо намъ осознать въ настоящее время — это *ту громадную отвѣтственность за жизнь, которая возложена на человѣка.* Въ его рукахъ — возможность увеличенія и размноженія однѣхъ формъ и уничтоженія другихъ. Въ его рукахъ — размноженіе полезнаго и прекраснаго, плохого и вреднаго.

Что касается человѣчества, то высшее достиженіе открывается ему не въ войнахъ и взаимномъ истребленіи, а въ творчествѣ и созиданіи, въ увеличеніи и доступности всѣхъ благъ культуры и въ стремленіи къ душевному благородству.

Вторая ошибка - въ признаніи абсолютнаго значенія силы; въ признаніи государства, не подчиняющагося никакимъ законамъ нравственнымъ, божескимъ или человѣческимъ; въ признаніи за сильнымъ государствомъ права творить, что оно хочетъ и сочтетъ для себя полезнымъ.

Вредъ и гибельность этой доктрины, возникновеніе которой мы прослѣдили въ VI главѣ, настолько ужасны, что только громадностью человѣческихъ жертвъ, прино-

симыхъ въ эту войну, они могутъ быть доказаны человѣчеству.

Всѣ условія для доказательства налицо. Никто не скажетъ, что Германія была слаба, неподготовлена или не использовала всѣхъ своихъ средствъ. Наоборотъ, во всѣхъ матеріальныхъ отношеніяхъ на ея сторонѣ громадныя преимущества. Она выбрала время и выступила рѣшительно и съ одушевленіемъ. Она не предусмотрѣла только духовной, нематеріальной стороны,—и ея пораженіе неминуемо.

Чѣмъ труднѣе борьба съ началомъ зла, тѣмъ глубже обновится духъ народа. Сознательныя усилія каждаго народа, каждаго человѣка должны быть направлены къ оборонѣ страны. Намъ необходимо было испытаніе, намъ необходимо было это напряженіе, эта жертва, и мы убѣдились, что духъ нашего народа живъ. Пусть, кто молодъ, воспользуется всей глубиной настоящихъ переживаній и выйдетъ изъ этой великой борьбы во всеоружіи духовной побѣды.

ГЛАВА IX.

Германія и Англія: отношеніе Германіи.

Fas est et ab hoste doceri.

Мы многое заимствовали отъ Германіи въ прошломъ—заимствовали отъ ея добраго, теперь намъ придется учиться отъ ея злого.

Съ нашей, британской, точки зрѣнія, политическія убѣжденія каждаго гражданина заслуживаютъ своего рода вниманія. И все же нельзя отрицать, что до сихъ поръ эти убѣжденія, за отсутствіемъ достаточныхъ знаній, основывались въ массѣ главнымъ образомъ на извѣстной чуткости и общественномъ инстинктѣ. Инстинктъ иногда болѣе надежный руководитель, чѣмъ теоретическія зна-

нія, и средній человѣкъ, несомнѣнно, живетъ больше по инстинкту, такъ какъ знаетъ сравнительно немного. Но необходимо увеличить въ массахъ сумму знаній. Страна должна быть освѣдомленной, иначе невозможно ожидать самопожертвованія со стороны народа. Тѣ свѣдѣнія о правительственной политикѣ и о текущихъ событіяхъ, которыя передаются изустно въ высшихъ сферахъ и становятся извѣстными непріятелю, благодаря сѣти шпіоновъ, не должны скрываться отъ страны. Въ этомъ отношеніи во Франціи правительство даетъ народу болѣе обстоятельныя свѣдѣнія. Но мы, несомнѣнно, уже научились разбираться въ событіяхъ, насъ трудно заставить повѣрить ложнымъ извѣстіямъ, мы умѣемъ читать между строкъ и толковать событія по-своему. Этого-то какъ разъ, очевидно, не умѣютъ въ Германіи. Германцы, какъ школьники, только-что поступившіе въ школу и безгранично довѣрчивые, съ дѣтской наивностью вѣрятъ всѣмъ сообщеніямъ. Ихъ армія похожа на заряженный револьверъ въ рукахъ ребенка.

«Рѣшивъ стать міровой державой, нѣмцы приступили къ своей задачѣ съ методической точностью. Но такъ какъ вопросы міровой политики были чужды мечтательному настроенію германскаго народа, они поручили выполненіе общегерманскихъ задачъ Пруссіи. Пруссія же доказала имъ, какъ 2×2, что культура, доблесть и мысль германцевъ только тогда покорятъ міръ, когда они станутъ исключительно прусскими, какъ вся германская армія, и такъ же, какъ армія, будутъ готовиться къ побѣдѣ. Германцы повѣрили Пруссіи, какъ дѣти!*).

Кто изъ англичанъ учился въ Германіи и до сихъ поръ съ любовью вспоминаетъ свои студенческіе годы, теперь готовъ высказать не мало горькихъ наблюденій. Такъ, проф. Сѐлли (Sully) пишетъ о 1867 годѣ, когда онъ былъ студентомъ въ Гёттингенѣ:

---

*) Clutton-Brock «Мысли о войнѣ» (Thoughts on the War).

«Особенно поразила меня одна черта въ германцахъ: нежеланіе говорить на любимую для англичанъ тему — на тему о политикѣ. Мы вскорѣ поняли, что причина этой сдержанности была не столько въ недовольствѣ усиленіемъ Пруссіи и присоединеніемъ къ ней Ганновера, сколько въ нѣмецкой привычкѣ предоставлять офиціальнымъ лицамъ рѣшать вопросы, касающіеся политики страны. Это отношеніе было частью ихъ характерной и твердой увѣренности въ томъ, что каждый въ своей спеціальности (Fach) является лучшимъ исполнителемъ, и что поэтому мнѣнія другихъ лицъ по данному вопросу не имѣютъ никакого значенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ уже и тогда въ Германіи господствовало удивительное однообразіе мнѣній о книгахъ, людяхъ и т. д., какъ будто имъ странно было высказывать свои личные взгляды».

Проф. Ашлей (Ashley), получившій недавно почетную научную степень въ Берлинѣ, говоритъ о 1870 годѣ:

«Въ академическихъ кругахъ законная гордость германской наукой достигала иногда характера навязчивой идеи и исключала всякую возможность учитывать научную работу въ другихъ странахъ. Казалось, фактъ использованія германскихъ методовъ въ другихъ странахъ и фактъ одинаковыхъ умственныхъ способностей и ясности мышленія ускользалъ отъ нихъ совершенно. За курьезнымъ національнымъ самодовольствомъ исчезала возможность признанія за другими странами новыхъ открытій и новыхъ мыслей. Все это можно назвать высокомѣріемъ и тщеславіемъ. Но мнѣ вспоминалось, что вѣдь было время, когда и съ нами было такъ же трудно имѣть дѣло. Никто, вѣроятно, не скажетъ теперь, что поведеніе Пальмерстона было особенно располагающимъ по отношенію къ другимъ народамъ... но такъ какъ Англія понемногу стала болѣе терпимой, менѣе самодовольной и тяжеловѣсной, чѣмъ во времена Пальмерстона, я надѣялся, что періодъ самолюбованія и презрѣнія къ другимъ народамъ пройдетъ самъ собою и въ Германіи. Я ошибался. Но мнѣ не стыдно за

свою ошибку, за то, что я приписалъ Германіи больше государственныхъ способностей, чѣмъ у нея оказалось на дѣлѣ».

Многіе могутъ теперь сказать то же самое.

«Германцы создали сложную государственную машину, готовую дѣйствовать нажатіемъ кнопки, но въ своемъ пренебреженіи къ человѣку они оставили ее въ рукахъ самаго опаснаго элемента въ государствѣ», пишетъ редакторъ «Hibbert Journal». «Въ Германіи много «думаютъ», но почти нигдѣ мысль не подвергается такому контролю, какъ въ Германіи. За послѣднее время Германія утратила прежнюю свободу мысли и творчества. Ея изобрѣтенія за послѣдніе годы относятся большею частью къ механическимъ улучшеніямъ и усовершенствованіямъ. Нигдѣ, впрочемъ, столько не занимаются психологіей и нигдѣ человѣка не игнорируютъ такъ, какъ въ Германіи».

Различія между Англіей и Германіей касаются самыхъ основъ человѣческаго существованія. Еще въ 1912 году д-ръ Сароли предсказывалъ поэтому *), что въ случаѣ войны съ Германіей, она неминуемо приметъ характеръ борьбы за убѣжденія, своего рода крестоваго похода, борьбы либерализма съ деспотизмомъ, свободы съ милитаризмомъ, прогресса съ реакціей, политически-свободнаго народа съ деспотической бюрократіей Пруссіи.

Дѣло въ томъ, что въ Германіи все еще властвуетъ военная каста, и Пруссія все еще живетъ завѣтами Фридриха Великаго. Вотъ что говоритъ о Фридрихѣ Бернгарди:

«Расширеніе прусскихъ границъ становилось необходимостью, если Пруссія желала прочно обосновать свое существованіе и сохранить свое достоинство. Король понялъ это и рѣшился на войну съ Австріей. *Ни разу не воевалъ онъ по принужденію.* Ни разу не откладывалъ онъ объявленіе войны до послѣдняго момента. Онъ всегда самъ

*) *Сароли.* Англо-германская проблема. 1915 г. Москва, стр. 119.

выбиралъ подходящій моментъ для удара, чтобы застать врасплохъ своихъ противниковъ и использовать благопріятныя обстоятельства».

Сравните эти слова Бернгарди съ тѣмъ, что онъ предложилъ въ 1911 году относительно способовъ скрыть агрессивный характеръ будущей войны:

«Если бы мы напали на Францію или на Россію, онѣ пришли бы на выручку другъ къ другу, и мы оказались бы въ худшемъ положеніи, чѣмъ если бы мы имѣли дѣло съ одной изъ нихъ. *Поэтому обязанность нашей дипломатіи такъ смѣшать карты, чтобы заставить Францію напасть на насъ*, тогда у насъ были бы основанія надѣяться на нейтралитетъ Россіи».

«Но ясно, что пассивное ожиданіе нападенія со стороны Франціи—пустая трата времени. Ни Франціи, ни Россіи, ни Англіи незачѣмъ нападать на насъ. Пока мы ихъ боимся, онѣ могутъ добиться отъ насъ всевозможныхъ уступокъ, что и доказали недавнія событія въ Марокко. Слѣдовательно, разъ мы сами желаемъ вызвать нападеніе съ ихъ стороны, мы должны постараться какъ-нибудь такъ существенно затронуть интересы Франціи и Англіи, чтобы вынудить ихъ самихъ на нападеніе. Такой случай еще можетъ представиться какъ въ Африкѣ, такъ и въ Европѣ».

Обсуждая эти выкладки Бернгарди, д-ръ Сароли въ 1912 году говорилъ:

«Генералъ по-солдатски откровененъ и не сдержанъ обычной дипломатической осторожностью. Будемъ благодарны ему за его откровенность, хотя бы и циничную, и примемъ къ свѣдѣнію его изліянія. Британскій народъ предупрежденъ относительно ближайшихъ намѣреній Германіи, и надо думать, что онъ теперь осторожнѣе отнесется къ возможнымъ осложненіямъ въ отношеніяхъ между Англіей и Германіей».

Увы! Мы слишкомъ мало знали о закулисныхъ интригахъ дипломатіи и не вѣрили нашимъ пророкамъ.

Политика обмана нѣкоторое время удавалась Пруссіи, но теперь никто не повѣритъ утвержденіямъ прусской дипломатіи.

Тѣмъ не менѣе удивительно, за что насъ такъ ненавидятъ въ Германіи, и къ чему все это было затѣяно.

Если Германія не можетъ простить намъ нашихъ успѣховъ колонизаціи, то вѣдь очевидно никто, кромѣ самихъ германцевъ, не виноватъ въ томъ, что они оказались плохими колонизаторами, и что никто не стремится особенно подъ сѣнь ихъ правительственной власти.

Съ обычной ясностью опредѣляетъ д-ръ Сароли причины неудачи германской колонизаторской политики:

«Успѣшная колонизація отличается отъ устарѣвшаго имперіализма тѣмъ, что она основывается на свободѣ политической и на личной предпріимчивости, т.-е. на томъ, чего какъ разъ совершенно нѣтъ въ современной Германіи. Германцы оказались плохими колонизаторами; они избѣгаютъ заселенія новыхъ земель и охотнѣе осѣдаютъ въ Соединенныхъ Штатахъ, Бразиліи или въ Австраліи, т.-е. тамъ, гдѣ уже сложились государственные порядки».

«Англія не случайно стала міровой колоніальной державой», говоритъ баронъ Hügel, «пруссаку и опруссаченному (prussianized) нѣмцу не хватаетъ какъ разъ тѣхъ качествъ, которыя необходимы колонизатору—«живи и жить давай другимъ», терпимость, великодушіе, находчивость; чувство товарищества, любознательность, готовность познакомиться съ иной жизнью, съ иными обычаями, вѣрованіями и людьми—все это качества, необходимыя для колонистовъ, но не являющіяся необходимостью и даже нежелательныя въ сильномъ государствѣ при господствѣ милитаризма. Къ сожалѣнію, въ Германіи не сознаютъ несовмѣстимости милитаризма съ колоніальной политикой.

«Наоборотъ, успѣхъ англичанъ не даетъ германцамъ покоя. Ихъ еще болѣе раздражаетъ та кажущаяся легкость, съ которой англичане, эти «славные ребята» (good fellows), игроки въ гольфъ и крикетъ, какъ бы шутя,

едва со школьной скамьи, справляются со своими задачами съ помощью несложной административной организацiи и горсти солдатъ, управляя разнообразными народами земного шара. Германецъ готовъ пройти спецiальныя школы, подготовиться къ своей должности, пройдя долгiй стажъ упорнаго и усидчиваго труда, и его возмущаетъ успѣхъ «лѣниваго» британца».

Да, дѣйствительно, это должно быть досадно; ошибочно было бы приписывать этотъ успѣхъ чему-либо, кромѣ того духа политической свободы, который облегчалъ намъ первые шаги нашей колонизацiи.

Во всемъ остальномъ намъ многому можно бы научиться у германцевъ. Мы готовы были признать всѣ ихъ заслуги и учиться у нихъ, если бы только они остались въ границахъ чести и права.

Имъ былъ открытъ весь мiръ. Никто не оспаривалъ интересы Германiи, нѣмецкiе колонисты были желанными гражданами Австралiйской республики, ихъ товарамъ были открыты всѣ порты, если бы только не жадность, если бы не ихъ желанiе во что бы то ни стало подчинить себѣ другiе народы.

ГЛАВА X.

Англiя и Германiя. Отношенiе Англiи.

Но не мечты германцевъ о колонiальныхъ прiобрѣтенiяхъ заставили насъ взяться за ужасное средство войны. Насъ всѣхъ возмутило самое отрицанiе права, утвержденiе своего личнаго Я, помимо сдерживающихъ законовъ морали. Это властное «я такъ хочу, будь вы всѣ прокляты!» записано на страницахъ исторiи.

Вотъ почему наша молодежь съ такимъ самоотверженiемъ становится въ ряды добровольцевъ; вотъ почему съ такой готовностью отдаетъ она свою жизнь за то, что ею цѣнится выше жизни.

Въ 1870 году нашъ Великій Старецъ*) выразилъ въ словахъ, ставшихъ теперь особенно цѣнными, все, за что намъ суждено теперь бороться. Тогда онъ сказалъ:

«Мы принуждены были выступить на защиту Бельгіи, и наше выступленіе было въ защиту свободы, общественнаго права и человѣческаго счастья. Ихъ стоитъ защищать, господа! И хотя я ненавижу войну,—и готовъ вмѣстѣ съ вами порицать ее, но въ такой войнѣ я согласенъ принять участіе и буду бороться, пока я живъ. Я согласенъ поддерживать такую войну всѣми силами, какія только есть въ моемъ распоряженіи, и готовъ поддерживать тѣхъ, кто ведетъ къ ней страну».

Теперь, черезъ 45 лѣтъ, лучшая часть нашего общества на дѣлѣ доказала свою готовность защищать принципы Гладстона и свободу Бельгіи. Внукъ Гладстона палъ во Фландріи смертью героя...

Но, конечно, иное думаютъ о насъ въ Германіи. Согласно популярному нѣмецкому историку Трейчке, англичане—ненавистный и непріятный народъ. Трейчке считаетъ, что англичане со времени Мильтона и Кромвеля потеряли всякое право на уваженіе, что ихъ имперія—результатъ случайнаго географическаго положенія, уступчивости другихъ народовъ, двоедушія англійскихъ дипломатовъ и министровъ и отчаяннаго лицемѣрія всего народа.

Трейчке увѣренъ, что опрокинуть Англію, этого колосса на глиняныхъ ногахъ—очень легко, и что дни Англіи сочтены. На развалинахъ Британской Имперіи Германія хочетъ создать свою имперію, и хотя для этого ей приходится прибѣгнуть къ насилію, но результатомъ должна быть побѣда германской культуры и германской мысли во всѣхъ областяхъ общественной жизни. Германцы считаютъ себя призванными уничтожить лицемѣріе Тартюфа и замѣнить его искренностью Фауста.

Германцы откровенны—они откровенны во всемъ, что

---

*) Гладстонъ.

касается ихъ силы и власти. Но напрасно говорятъ иногда англійскіе рабочіе, что имъ безразлично, служить ли Берлину или кому другому. Они не представляютъ себѣ, что значитъ иго германской власти,—и дай Богъ, чтобы они никогда не узнали!

Кто не понимаетъ насъ, можетъ называть насъ лицемѣрами. Но то, что называютъ лицемѣріемъ—это слабость человѣческой воли, измѣна своему идеалу, удовлетвореніе потребностей тѣла въ ущербъ потребностямъ души. Лицемѣріе—общій человѣческій порокъ, потому что человѣкъ—сложное существо, въ которомъ борются противоположныя чувства, человѣкъ способенъ падать и вновь подниматься, и нельзя эту борьбу клеймить всегда названіемъ лицемѣрія.

Но какъ это ни странно для самихъ нѣмцевъ,—если насъ не любили, то не жаловали и ихъ самихъ. На это есть свои историческія причины. Вотъ что говоритъ д-ръ Сароли:

«Всюду, гдѣ замѣчалось за послѣднія 40 лѣтъ вліяніе Германіи,—въ Италіи, Австріи, Россіи и Турціи—она являлась поддержкой реакціи. Пруссія содѣйствовала раздѣлу Польши и уничтоженію польской конституціи въ 1863 г. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ общественное мнѣніе Англіи было возмущено турецкими звѣрствами въ Арменіи, Пруссія поддерживала Абдулъ-Гамида на его шатающемся тронѣ... Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что Пруссо-Германія является главной опорой деспотизма въ наше время... Германскій народъ, прогрессивный по отношенію къ наукѣ и искусству, упорно ретрограденъ во внѣшней политикѣ... Возникновеніе могущества Пруссіи связано съ подавленіемъ и уничтоженіемъ Польши; расширеніе прусскихъ границъ совершалось всегда путемъ насилія и систематической политики обмана,—такъ отнята была Силезія у Австріи, Шлезвигъ у Даніи, Эльзасъ у Франціи. Достигнувъ очень многаго во внутренней своей организаціи, Пруссія въ международной политикѣ всегда была источникомъ нежелательныхъ осложненій (predatory power)».

Пруссію необходимо тѣмъ не менѣе отличать отъ остальной Германіи, которой она навязала свой образъ дѣйствій. То же думаютъ и американцы. «Германія побѣдить не можетъ, писалъ недавно «Нью-Іоркъ Таймсъ» (распространенная нью-іоркская газета)—это недопустимо. Господство Германіи въ Европѣ означало бы постоянное недовольство и столкновенія... всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ міръ только смутно догадывался о томъ, что такое Германія. Теперь сомнѣній нѣтъ. Германія обречена на пораженіе,—но пораженіе Германской Имперіи равносильно освобожденію германскаго народа, если онъ сознаетъ это, когда наступитъ часъ».

Слишкомъ странно было бы, если бы германскій народъ остался подъ властью Пруссіи. Южная Германія гораздо даровитѣе и разностороннѣе Пруссіи. Самоуправленіе южной Германіи настолько же совершеннѣе прусской бюрократіи, насколько начало свободы совершеннѣе начала угнетенія.

ЧАСТЬ II.

НАСТОЯЩЕЕ.

„Прiявшiе время".

ГЛАВА XI.

Война за независимость.

Человѣчество стоитъ передъ задачей огромной сложности: всѣ завоеванія культуры и цивилизаціи оказались на службѣ у людей, лишенныхъ моральнаго чувства. Война велась и ведется Германіей съ жестокостью, превосходящей турецкія звѣрства. Есть отъ чего усомниться въ будущемъ и впасть въ отчаяніе. Цивилизація оказалась обманомъ, и растетъ опасность, что вмѣстѣ съ ея плевелами будетъ выброшено и доброе зерно.

Безъ душевнаго подъема, безъ заботъ о духовномъ и нравственномъ совершенствованіи всякая цивилизація приводитъ къ самоуничтоженію. Организація, отрицающая значеніе духовной жизни, похожа на устарѣвшую политическую экономію, основывавшуюся исключительно на матеріальныхъ интересахъ и отрицавшую духовные запросы человѣка. Въ этомъ—искушеніе древней книги Бытія: «и будете вы какъ боги», и искушеніе въ пустынѣ: «все будетъ Твое, если поклонишься мнѣ»... Плодъ древа познанія, только познанія, какъ тогда, такъ и теперь—несетъ съ собою смерть и запустѣніе.

Былъ моментъ, когда можно было подумать, что Германія дѣйствительно является представительницей высшей культуры, которую мы должны принять, какъ лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней современности, хотя бы ложка, которую намъ протягивала Германія, и грозила своими острыми краями порѣзать насъ. Но теперь ясно для всѣхъ, кто не-

навидитъ эти болѣзни, что у Германіи нѣтъ и не было такого лѣкарства, и что все это былъ обманъ.

ГЛАВА XII.

Матеріальные интересы.

Считается, что въ международной политикѣ государства руководятся только матеріальнымъ расчетомъ, и что такъ поступала и Англія во всѣхъ международныхъ конфликтахъ по поводу Болгаріи, Арменіи, Македоніи и Трансвааля. Считается, что матеріальный расчетъ — единственный двигатель человѣчества.

Но тутъ очевидная ошибка. Народъ, готовый жертвовать жизнью для лучшаго будущаго, не можетъ руководствоваться расчетомъ. Въ народѣ, какъ въ цѣломъ, живо сознаніе христіанства: «Нѣтъ выше той любви, какъ кто душу свою положитъ за други своя». Война вообще была бы невозможна, если бы люди руководились только расчетомъ. Какой расчетъ можетъ заставить человѣка рисковать своей жизнью? Только нерасчетливый идеализмъ и человѣческія страсти, стремленіе къ выявленію своего «я», человѣческая гордость и отвага заставляютъ человѣка искать славы и приключеній. Какія-то силы постоянно нарушаютъ матеріальные человѣческіе расчеты.

Напрасно обвиняли и нашу армію въ корыстныхъ цѣляхъ, какъ армію наемную. Времена наемныхъ армій отошли въ вѣчность со средними вѣками. Наша армія знаетъ, за что она борется, она знаетъ, что защищаетъ независимость Англіи. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, во время войны, мы создали армію добровольцевъ. Если бы двигателемъ человѣчества былъ только расчетъ,—созданіе добровольческой арміи во время войны было бы немыслимо.

Наши враги именно и разсчитывали на эту невозможность; по ихъ расчетамъ, мы, какъ народъ расчетливый

и эгоистичный до мозга костей, не вмѣшались бы въ войну. Но они не понимали насъ. Не разъ уже англійскій народъ какъ одинъ человѣкъ готовъ былъ встать на защиту попранныхъ правъ человѣка, но его удерживали сверху. Насъ легко обвинить въ эгоизмѣ, потому что не разъ руководители нашей иностранной политики, охраняя интересы Британіи, въ то же время наносили ей несомнѣнный вредъ. Не всегда охрана матеріальныхъ интересовъ народа можетъ сослужить ему пользу. У народа, какъ и у человѣка, есть душа. И иногда необходимо потерпѣть, чтобы спасти душу.

Намъ мѣшаетъ теперь недовѣріе другихъ народовъ. Намъ не вѣрятъ даже, когда мы приносимъ дѣйствительныя жертвы, и готовы видѣть во всѣхъ нашихъ поступкахъ скрытый коммерческій расчетъ. Намъ ставятъ въ вину запрещеніе вывоза товаровъ изъ нейтральныхъ странъ и запрещеніе ввоза въ эти нейтральныя страны: но выбора у насъ нѣтъ. Мы должны закрыть доступъ въ Германію этимъ товарамъ, хлопку и т. д. не только во имя нашей собственной арміи, но, главнымъ образомъ, во имя армій нашихъ союзниковъ, которые выдерживаютъ главный натискъ Германіи.

Здѣсь, какъ всегда, оказывается, что матеріальный расчетъ въ дѣйствительности не оправдывается, и что въ сущности гораздо вѣрнѣе полагаться на чувство долга.

Если правда то, что прошлой осенью мы могли бы уклониться отъ защиты Бельгіи, нѣмцы теперь, можетъ-быть, уже хозяйничали бы и у насъ здѣсь, въ Англіи, какъ въ Бельгіи, и, можетъ-быть, мы уже покорялись бы нѣмецкому игу.

Мы боремся за свою независимость, а война за освобожденіе—священная война.

ГЛАВА XIII.

Война завоевательная.

Въ современную идеологію нѣмца непремѣнной частью входитъ поклоненіе и обожествленіе войны. По мнѣнію современнаго нѣмца, война «облагораживаетъ» человѣка. Въ этой приверженности къ войнѣ сказывается недостатокъ культуры. Человѣкъ, недооцѣнивающій миръ и всѣ блага мира—просто не способенъ еще оцѣнить ихъ въ въ полной мѣрѣ. Некультурный человѣкъ борется за свое существованіе, онъ цѣпляется за жизнь и въ этомъ нежеланіи исчезнуть онъ хватается за послѣднее средство,—онъ старается сохранить войну и всегда будетъ ратовать за войну, противясь мирному рѣшенію вопросовъ. Александрійская библіотека, сожженная арабами, когда они хлынули въ Египетъ, всегда будетъ яркимъ примѣромъ побѣды милитаризма надъ цивилизаціей. Современный пруссакъ идетъ въ наши дни на войну съ такимъ же сознаніемъ своего моральнаго превосходства, съ какимъ въ XV вѣкѣ арабы шли на завоеваніе Африки и Египта.

По словамъ Трейчке: «Государство—не Академія Наукъ; если оно въ угоду идеальнымъ стремленіямъ человѣчества пренебрегаетъ своею властью, оно обрекаетъ себя на уничтоженіе... отказъ отъ власти для государства—въ дѣйствительномъ значеніи слова грѣхъ противъ Духа Святого»...

Для насъ, англичанъ, война—аморальна, она—анахронизмъ, чудовищное, нежелательное бѣдствіе. Типъ некультурнаго, прославляющаго войну пруссака для насъ въ политикѣ то же, что преступный типъ въ обществѣ.

Какъ же мы рѣшились на войну? Какъ оправдываемъ мы свое рѣшеніе? Мы боремся не за господство и не за власть, а за свободу, за независимость и за право отдѣльныхъ народовъ на существованіе.

«Всѣ, кто не видитъ или не хочетъ видѣть разницу между войной за независимость и войной за власть и всѣ тѣ, кто готовъ порицать всякую войну, даже войну за освобожденіе, веденную Линкольномъ, сказалъ Рузвельтъ, —говорятъ и дѣйствуютъ на основаніи низменныхъ побужденій».

«Позорно настаивать на мирѣ, скрывая въ то же время нарушеніе правъ, допущенное Германіей»,—вотъ мнѣніе, не разъ высказывавшееся въ Америкѣ. Америка на дѣлѣ доказала свои симпатіи поддержкой, оказанной разореннымъ бельгійцамъ, и защитой интересовъ союзныхъ націй въ Германіи.

Господство преступныхъ теорій, высказывавшихся въ Германіи, долго казалось немыслимымъ; казалось невѣроятнымъ, чтобы теоріи Ницше или его послѣдователей принимались всерьезъ, а не въ переносномъ, аллегорическомъ смыслѣ. Но теперь не можетъ быть сомнѣній,—дѣйствительность заставила насъ повѣрить даже самому невѣроятному.

Въ своемъ заблужденіи Германія возстановила противъ себя нейтральныя страны, и для нея нѣтъ другого исхода, нѣтъ другого пути сознать свои ошибки, какъ потерпѣть пораженіе.

ГЛАВА XIV.

Непротивленіе злу и оборонительная война. Христіанство и пасифизмъ.

Ученіе о непротивленіи злу иногда кажется страннымъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно оправдывается, иногда оно способно вызвать восхищеніе, но въ нѣкоторыхъ условіяхъ непротивленіе злу можетъ оказаться безнравственнымъ. Теоретически можетъ быть и трудно опредѣлить эти разнообразныя обстоятельства, но практически наше чувство

безошибочно можетъ указать, когда и какъ надо поступить.

Въ обыденной и общественной жизни при незначительныхъ столкновеніяхъ и проступкахъ—непротивленіе иногда вполнѣ цѣлесообразно. Особенно настаиваютъ на немъ тѣ, кто самъ сталъ жертвой суровыхъ каръ. Такъ, я никогда не забуду, какъ мнѣ отвѣтилъ однажды князь Крапоткинъ, поплатившійся за свои убѣжденія тюремнымъ заключеніемъ и изгнаніемъ изъ Россіи. «Неужели Вы хотите сказать, что Вы бы не могли посадить въ тюрьму человѣка, который укралъ у Васъ кошелекъ?», спросилъ я.—«Да, но вѣдь и Вы бы не могли, если бы сами побывали въ тюрьмѣ», сказалъ Крапоткинъ.

Когда наказаніе по жестокости своей превосходитъ самое преступленіе, лучше совсѣмъ отказаться отъ него, чѣмъ совершать новую жестокость. Это, конечно, еще не значитъ, что мы должны отказаться отъ всякой защиты правды и справедливости. Но встать въ презрительную позу еще недостаточно, — необходима дѣятельная борьба со зломъ. Изгнаніе торгующихъ изъ храма можетъ быть примѣромъ того, какъ иногда насильственный поступокъ можетъ быть по существу глубоко христіанскимъ. Физическая борьба со зломъ является необходимой ступенью, правда, очень примитивной, на пути къ эволюціи,—но вѣдь міръ еще далекъ отъ совершенства.

И возмущеніе поэтому иногда справедливо. Вотъ что читаемъ мы въ христіаннѣйшемъ посланіи къ Римлянамъ апостола Павла: «Гортань ихъ—открытый гробъ; языкомъ своимъ обманываютъ; ядъ аспидовъ на губахъ ихъ; уста ихъ полны злословія и горечи. Ноги ихъ быстры на пролитіе крови; разрушеніе и пагуба на путяхъ ихъ; они не знаютъ пути мира. Нѣтъ страха Божія предъ глазами ихъ». (Рим. 3, 13).

Хотѣлось бы, чтобы нейтральные народы и особенно пользующіеся такимъ вліяніемъ американцы высказались съ такой же откровенностью. Такая декларація могла бы имѣть громадное значеніе. Но я не сомнѣваюсь, что Аме-

рика еще открыто засвидѣтельствуетъ свое отношеніе къ борьбѣ за свободу, достоинство, правду и справедливость. Потому что въ такой войнѣ, гдѣ нѣтъ сомнѣнія, на чьей сторонѣ правда, можно сказать, что «тѣ, кто не съ нами— тѣ противъ насъ».

Если мы обратимся къ Евангелію, то не найдемъ прямыхъ указаній относительно непротивленія или борьбы со зломъ.

Борьба эта была тогда не нужна, потому что царство Христово было не отъ міра сего. Вспомнимъ также силу слова Христа, вспомнимъ о смоковницѣ, засохшей по слову Его; или—что сказано о дѣтяхъ: «Кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, истинно говорю вамъ, лучше было бы, если бы ему повѣсили жерновъ на шею и бросили въ море» — насильственная смерть указывается здѣсь, какъ лучшая для него участь. Или, когда Христосъ говоритъ: «Не бойтесь тѣхъ, кто можетъ тѣло погубить, но бойтесь того, кто душу и тѣло можетъ ввергнуть въ геенну огненную». Въ этихъ словахъ нѣтъ попустительства или прощенія. Зло существуетъ, но искупленіе наступитъ рано или поздно.

Тотъ, Кому открыто многое, легко переноситъ страданія и даже смерть, если ею уничтожается зло.

Война — признакъ болѣзни, подобно воспалительному процессу, хотя въ конечномъ счетѣ онъ и можетъ оказаться спасительнымъ для организма. Организмъ здоровъ до тѣхъ поръ, пока фагоциты дѣятельно уничтожаютъ болѣзнетворныя начала—микробовъ. Но въ крайнихъ случаяхъ для спасенія организма нужны особыя, сильныя мѣры. Самая сила воспалительнаго процесса служитъ показателемъ опасности заболѣванія. Наибольшая опасность для человѣчества заключалась въ господствѣ идеаловъ прусскаго милитаризма, его методовъ и стремленій: освободиться отъ господства ихъ можно только героическими усиліями.

Не всегда война противорѣчитъ поэтому духу христіанства: есть вѣдь зло большее, чѣмъ даже смерть. Защита права во имя справедливости не противорѣчитъ христіанству. Сама Англія никогда бы не напала на Германію безъ вызова съ ея стороны, это было бы чуждо всему духу нашего народа. Но для сохраненія мира недостаточно еще одного отрицанія войны, — необходима готовность защищать свои убѣжденія. Если мы окажемся достойными, мы сможемъ быть орудіемъ Бога и справедливости. Если нѣтъ, намъ предстоятъ испытанія и страданія—неизбѣжное слѣдствіе всякихъ заблужденій.

Мы пожинаемъ сейчасъ плоды прошлаго; мы завоевываемъ наше будущее, будущее, еще скрытое отъ насъ, но занимающееся новой зарей надежды.

«Вы, молодежь, увидите это будущее. Старики вызвали эту войну, но вы должны довести ее до побѣдоноснаго конца. Вы на себѣ испытаете, что такое война, вы на себѣ испытаете, что значитъ храбрость, самопожертвованіе, великодушіе и надежда. Когда вы вернетесь изъ этого испытанія, помните о пережитомъ; не упивайтесь побѣдой, не наслаждайтесь куреніемъ ѳиміама и торжествомъ, но помните о томъ, что вы пережили. Вы видѣли войну, вы видѣли пушки, штыки и знаете, чего они стоятъ. Думайте объ иномъ, любите иной любовью—вы, надежда Англіи и всего міра! Вы видѣли адъ и чистилище. Идите же теперь впередъ, ввысь, взыскуйте града всевышняго» *).

---

*) Dickinson „After the war“.

ЧАСТЬ III.

БУДУЩЕЕ.

„Да пріидетъ царствіе Твое“.

Когда исторія вынесетъ этой войнѣ свой окончательный приговоръ, она будетъ сообразоваться не столько съ тѣмъ, что мы говоримъ сейчасъ, сколько съ тѣмъ, что мы осуществимъ послѣ войны.

ГЛАВА XV.

„Кто возьметъ на себя жизнь міра, а свою отдастъ, тотъ будетъ жить умирая"...

Страданія, ниспосланныя народамъ, такъ велики, что возвращеніе къ прежнему кажется невозможнымъ. Еще не кончились испытанія, но не только Англія, вся Европа должна обновиться духомъ. Война приводитъ насъ косвеннымъ путемъ къ сознанію, какъ хороша могла бы быть жизнь на землѣ, если бы люди отказались отъ вражды. Но ясно, что исходъ этой войны можетъ быть только результатомъ всего развитія нашей цивилизаціи въ мирное время. Мы не сможемъ перешагнуть черезъ самихъ себя; все, что въ нашихъ силахъ,—это развить тѣ начала, которыя до сихъ поръ смутно дремали въ насъ. Человѣчество пробудилось, увидѣвъ грозящую ему опасность: кто до сихъ поръ жилъ изо дня въ день, влача скучное и хмурое существованіе, оказываетъ теперь чудеса храбрости. *Но геройство нужно не только на войнѣ, оно нужно еще болѣе въ повседневной жизни.* Современному человѣчеству необходимо проявить свои лучшія качества, свою способность геройскаго служенія и самопожертвованія не въ войнѣ, а въ обыденности мелкихъ неудобствъ и мелкихъ непріятностей. Истинная заслуга Ницше въ томъ и заключается, что онъ настаивалъ на героическомъ въ повседневной, будничной жизни. Или, какъ говоритъ Б. Шоу («Майоръ Барбара»): «Только то и осуществляется въ этомъ мірѣ, за что вы готовы жизнь свою положить».

Мы отдаемъ теперь жизни лучшихъ сыновъ Англіи. Можно ли надѣяться, что послѣ войны мы сумѣемъ на-

строить нашу жизнь на болѣе высокій ладъ?... Въ жизни каждаго гражданина должно родиться желаніе служить жизни, общему строительству, а не смерти и разрушенію, служить искусствамъ мира, а не искусству войны.

«Въ жатвѣ и уборкѣ урожая больше достоинства, чѣмъ въ сжиганіи посѣвовъ; больше чести строить домъ, чѣмъ сжигать его; больше достоинства въ самоотверженной жизни, чѣмъ въ самоотверженной смерти. Быть героемъ въ трудную минуту опасности еще не большая заслуга. Быть героемъ въ минуту жизни — еще не заслуга. Быть терпѣливымъ въ горѣ—еще не заслуга. Но быть героемъ въ минуту счастья, быть достойнымъ въ минуту солнечнаго восхода помнить Бога, когда онъ осыпаетъ насъ милостями; не измѣнять тѣмъ, кто вѣритъ намъ, въ ту минуту, когда они не нуждаются въ насъ, — вотъ что труднѣе всего... Обязанности дѣтей къ родинѣ выражаются въ двухъ словахъ—трудъ и достоинство». (Рёскинъ. «Оливковый вѣнокъ»).

Мы должны повысить наши общія требованія къ общественной жизни: мы должны настаивать на томъ, чтобы наши руководители государственной жизни служили общему благу народа, а не партіи; мы должны доказать имъ, что погоня за партійнымъ и личнымъ выигрышемъ отнынѣ не должна имѣть мѣста; что, преслѣдуя прежнія цѣли, они губятъ свою карьеру. Нашъ народъ всталъ на защиту праваго дѣла и на защиту христіанства. И политика народа должна стать не игрой, а важнымъ дѣломъ. Мы боремся со злыми силами и должны служить добру. Народъ долженъ возвыситься этимъ служеніемъ. Церкви должны признать свое единеніе и относиться къ различіямъ своимъ съ высшей точки зрѣнія.

Мы очевидцы того, какъ люди отдаютъ жизнь свою во имя лучшаго будущаго; на вершинахъ человѣческаго духа скопляются великія силы любви и состраданія,—и смерть только начало побѣды.

ГЛАВА XVI.

Соціальныя проблемы.

Мы видимъ, что война ведется теперь цѣлыми народами, и что изъ блестящаго поединка она превратилась въ трудное и сложное промышленное предпріятіе, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ классы общества. Для такой войны Германія приспособила заранѣе всю свою промышленность и все свое государственное хозяйство. Мы не готовились къ войнѣ и оказались въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совершенно неприспособленными. Для тѣхъ, кто, какъ мы, не считаютъ войну за необходимость, приведеніе всего народа и всей промышленности на военное положеніе и въ будущемъ было бы немыслимо. Содержаніе постоянныхъ армій въ такихъ условіяхъ кажется совершенно безполезнымъ, и единственный выходъ изъ создавшагося положенія— это образованіе своего рода международной полиціи вмѣсто современныхъ армій,—полиціи, которая должна наблюдать за соблюденіемъ международныхъ договоровъ. Въ народѣ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо развить способность отзываться на разнообразныя общественныя нужды, и въ заботѣ о физическомъ развитіи народа надо создавать не только солдатъ, но и гражданъ. Только тогда международное право, поддерживаемое международной арміей, или, вѣрнѣе, международной полиціей, избавитъ человѣчество отъ ужасовъ братоубійственной войны.

Война въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ она развертывается сейчасъ, подчеркиваетъ всѣ недостатки существующаго строя. Намъ вредитъ прежде всего крайній формализмъ чиновничьихъ сферъ. Только общему патріотическому подъему можно приписать тѣ частичные успѣхи, которые были достигнуты нами, несмотря на формализмъ Военнаго Вѣдомства (War Office). Чтобы не касаться этой войны, приведу извѣстный случай изъ южно-африканской войны.

Въ Ливерпулѣ есть фирмы, изъ года въ годъ перевозящія на спеціально приспособленныхъ для этого пароходахъ громадныя количества рогатаго скота. Когда военному вѣдомству понадобилось перевезти въ Южную Африку лошадей, оно распорядилось замѣнить всѣ эти приспособленія другими, по образцамъ военнаго вѣдомства. Во время переѣзда все это рухнуло, и лошади были искалѣчены и перебиты. Это нежеланіе чиновниковъ считаться съ опытомъ знающихъ людей должно быть исправлено прежде всего.

Во-вторыхъ, рабочее населеніе страны должно быть хорошо освѣдомлено объ общихъ народныхъ задачахъ, стоящихъ передъ страной.

Если Рабочіе Союзы (Trade Unions) настаиваютъ на соблюденіи правилъ, ограничивающихъ производство, когда наша армія терпитъ недостатокъ въ снарядахъ и гибнетъ жертвой этого недостатка — такое отношеніе союзовъ можно объяснить только неумѣніемъ разобраться въ сложныхъ событіяхъ момента и предвидѣть послѣдствія своихъ дѣйствій. Широкое распространеніе свѣдѣній о войнѣ и пониманіе истиннаго значенія событій одно можетъ измѣнить это отношеніе трэдъ-юніоновъ къ дѣлу обороны страны. Когда рабочее населеніе лишено этихъ свѣдѣній, когда оно вѣритъ всевозможнымъ слухамъ, у него остается одно только средство выразить свое недовольство—открытые безпорядки, къ которымъ примыкаютъ разные темные элементы, всегда готовые къ погрому и грабежу. Если какія-либо сомнѣнія возникаютъ въ высшихъ классахъ общества, они находятъ себѣ выраженіе въ письмахъ въ «Times» или въ запросахъ съ ораторской трибуны, но что можетъ сдѣлать въ такихъ случаяхъ рабочій, привыкшій больше обращаться съ кирпичомъ, чѣмъ съ перомъ? Безпорядки всегда являются слѣдствіемъ неосвѣдомленности. Довѣрьтесь народу, сообщите рабочимъ свою программу дѣйствій, разъясните ее, и поводъ къ безпорядкамъ исчезнетъ. Въ томъ, что такое сопротивленіе рабочихъ орга-

низацій возможно, сказывается, конечно, неестественное положеніе труда.

Мы должны, наконецъ, признать громадное значеніе для государства труда и рабочаго класса. Званіе «рабочаго» — почетное званіе. Государство обязано рабочему классу своимъ богатствомъ, всей своей культурой, своей безопасностью и всѣмъ своимъ существованіемъ. Какъ бы справедливы ни были обвиненія противъ нѣкоторыхъ представителей рабочаго класса, но не надо забывать, что главная масса рабочихъ исполняетъ свой долгъ передъ страной не только сейчасъ, но и всегда. На сушѣ и на морѣ ихъ дѣятельностью безостановочно поддерживается національное бытіе.

Какъ бы ни было желательно теперь ускореніе производства, какихъ бы усилій оно ни потребовало, стремленіе нѣкоторыхъ предпринимателей удержать рабочаго за сверхурочной работой, приводящее иногда къ крайнему переутомленію, совершенно недопустимо. При всякой сверхурочной работѣ необходимо тщательное наблюденіе за тѣмъ, чтобы не было мѣста переутомленію. Въ противномъ случаѣ возможно общее пониженіе работоспособности въ странѣ.

Когда народъ напрягаетъ всѣ свои силы въ борьбѣ за свое будущее, что сказать о тѣхъ, кто въ погонѣ за своими личными удовольствіями считаетъ войну лишь за досадливое явленіе? Оставимъ ихъ; это общественные отбросы, намъ нечего сказать о нихъ.

Чѣмъ обусловливается общественный почетъ и уваженіе? «Готовностью жертвовать собой», говоритъ Рёскинъ, «за что уважаемъ мы солдата, врача, священника, адвоката? За ихъ самоотверженность. Солдата за то, что онъ готовъ умереть на своемъ посту. Врача за то, что онъ рискуетъ собой на эпидеміяхъ. Священника за его борьбу со зломъ, адвоката за его борьбу съ несправедливостью... но пора признать, что жизнь каждаго человѣка, будь онъ рабочій или купецъ, должна быть жизнью героя».

ГЛАВА XVII.

Условія труда.

Переходя къ очереднымъ задачамъ, которыя встанутъ передъ нами послѣ войны, необходимо помнить о тѣхъ ужасныхъ условіяхъ существованія, съ которыми мы мирились до войны. Ложное ученіе Мальтуса о перенаселеніи какъ бы оправдывало насъ, говоря, что мы не отвѣтственны за то, что является простымъ закономъ природы. Но это неправда; мы убѣдились, что общество можетъ сорганизоваться для борьбы съ цѣлымъ рядомъ общественныхъ золъ. Если мечты о постоянномъ мирѣ еще не осуществимы, зато въ нашихъ рукахъ уничтоженіе, пожалуй, даже худшихъ золъ, чѣмъ война. Есть реформы, которыя должны быть проведены, и есть люди, способные завершить эти реформы. Не только десятой, но сотой и даже тысячной доли тѣхъ средствъ, что тратятся на эту войну, было бы достаточно, чтобы въ нѣсколько лѣтъ сдѣлать жизнь неузнаваемой, устранивъ ея вопіющее зло.

Дѣтская смертность уноситъ столько же жизней, сколько уноситъ война. Одинъ этотъ фактъ уже цѣлая проблема. Между тѣмъ, жизнь иногда оказывается для выживающихъ только рядомъ лишеній. *Жизнь*-то какъ разъ меньше всего и занимаетъ насъ! «Если бы мы взялись за устроеніе нашей жизни съ такой же энергіей, съ какой мы взялись за войну, какъ бы все измѣнилось», сказалъ недавно въ одной изъ своихъ лекцій Бернардъ Шоу:

«Съ нѣсколькими жалкими милліонами Сидней Веббъ берется уничтожить въ Британіи безработицу и нищету со всей ихъ деморализаціей. Сэръ Горацій Пленкетъ *) берется въ четыре раза повысить урожаи и производство сел.-хоз. продуктовъ въ Ирландіи, если на сел.-хоз. обра-

*) Извѣстный кооператоръ, основатель Ирландскаго Общества Организаціи Земледѣлія. *Прим. перев.*

зованіе и техническое обученіе ирландскихъ крестьянъ будетъ ассигновано нѣсколько десятковъ тысячъ рублей въ годъ. Они съ такимъ же правомъ могли бы молить о томъ, чтобы имъ сняли съ неба солнце или звѣзды... Ни одна мать не благословляетъ сына своего *на жизнь* во имя Англіи. Ни одинъ отецъ не скажетъ сыну: «Я жалѣю, что слишкомъ старъ, чтобы вмѣстѣ съ тобой бороться за устройство нашей родины».

Но странно и недопустимо теперь, когда мы прекрасно знаемъ значеніе образованія и научной подготовки, отговариваться недостаткомъ средствъ. Всякое просвѣтительное начинаніе у насъ хронически и позорно страдаетъ этимъ недугомъ. «Мы тратимъ нѣсколько милліардовъ въ годъ на подготовку къ войнѣ, хотя никогда, конечно, не бываемъ къ ней готовы, иногда только приближаясь къ этому опасному идеалу, говоритъ одинъ изъ представителей американскихъ университетовъ... Но не пора ли намъ тратить хотя бы сотую часть всей этой суммы на подготовку къ миру?»

«Невозможенъ ни миръ, ни даже стремленіе къ миру, пока люди не убѣдятся, что величіе народа измѣряется богатствомъ жизни каждаго индивидуума. Только потому, что мы не подготовлены къ миру, мы готовы къ войнѣ. Миръ — это забота о жизни, война — уничтоженіе жизни. Въ заботѣ о мирѣ необходимо обставить трудъ и работу каждаго человѣка такъ, чтобы работа не изнашивала человѣка, чтобы человѣкъ зналъ не только глубокую радость труда, но и радость отдыха; необходимо положить въ основу человѣческаго существованія справедливость; надо пробудить въ человѣкѣ способность чувствовать радость и печаль; надо освободить людей, открывъ имъ сокровища любви, знанія, правды и красоты».

«Если бы люди десятую долю своей энергіи посвящали заботамъ о жизни и ея совершенствованіи, говоритъ Лоусъ-Диккинсонъ (Lowes Dickinson *), они могли бы создать

---

*) Брошюра «After the war».

жизнь, не нуждающуюся ни въ какихъ постыдныхъ сдѣлкахъ и компромиссахъ. Война держится нашими заблужденіями, она возможна только благодаря нашей мелочности и неразвитости. Мы собираемся въ толпы и добиваемся коллективной силы, потому что мы неспособны проявить свою личную волю. Мы стремимся къ обладанію новыми территоріями и не умѣемъ использовать наши собственныя земли. Мы прячемся за другихъ, потому что никто изъ насъ не можетъ быть по настоящему самимъ собой».

Демократія часто склонна къ неразумной экономіи, хотя ей не чужды ни идеализмъ, ни честолюбіе. Демократію можно дисциплинировать для военныхъ цѣлей, но ее трудно иногда убѣдить въ цѣнности мира и его сокровищъ — отчасти потому, что у широкой демократіи довольно слабое представленіе о богатствѣ и красотѣ жизни, а частью— благодаря общей склонности демократіи отрицать установленныя цѣнности и предпочитать обдуманному рѣшенію вопросовъ — одностороннее и крайнее увлеченіе моментомъ. Но «разъ кто рѣшается встать на ту или иную опредѣленную точку зрѣнія, онъ считаетъ своей обязанностью до конца держаться своихъ убѣжденій; при голосованіи, если у него есть право голоса, онъ крѣпко привerженъ своей партіи». Вотъ на чемъ основывался успѣхъ прусской политики; народъ, извѣстнымъ образомъ подготовленный, охотно, какъ бы инстинктивно, дѣлаетъ то, что ему приказываютъ, и совершенно отвыкаетъ думать за себя. Свобода, наоборотъ, означаетъ большую неувѣренность для Государства, но и большую отвѣтственность индивидуальнаго лица. Эта-то отвѣтственность гражданина въ свободномъ государствѣ и вызываетъ тревогу за отношеніе нѣкоторыхъ изъ нашихъ рабочихъ къ національному дѣлу. Считаютъ, что это безразличное отношеніе рабочихъ можно объяснить вліяніемъ пьянства. Алкоголь, можетъ-быть, и оказываетъ свое вліяніе, но несомнѣнно, что должны быть и болѣе глубокія причины. Нельзя обвинять рабочихъ въ недостаткѣ патріотизма. Когда они

увѣрены, что служатъ родинѣ, они отдаютъ за нее жизнь свою. Но на фабрикахъ и заводахъ ихъ усилія парализуются мыслью о томъ, *кто собственно пожинаетъ плоды ихъ трудовъ*. Это не праздный вопросъ, ибо онъ созданъ вѣками фабричнаго труда. Трудъ — подвижная, легко доступная цѣнность, и капиталистическія предпріятія возникаютъ въ твердой увѣренности, что нужныя рабочія руки всегда къ ихъ услугамъ, и они свободно могутъ распоряжаться ими по своему усмотрѣнію. Проблема труда заключается и въ отсутствіи всякаго интереса къ труду со стороны рабочаго—въ однообразіи и мертвенности фабричной работы.

Кольриджъ такъ выражаетъ эту мысль: «Если бы общество заставило меня работать по 12 часовъ въ сутки, оно превратило бы меня въ тупоумнаго раба и изъ разумнаго существа сдѣлало бы почти животнымъ. Называть этихъ обойденныхъ судьбою людей «равноправными», низводя ихъ въ то же время на низшую ступень существованія—жестокая насмѣшка». А вотъ что пишутъ въ апрѣльскомъ № Hibbert Journal: «Въ нашихъ большихъ фабричныхъ городахъ видишь такія изнуренныя и сѣрыя лица, такую мертвящую работу и подневольную жизнь, что, отдавая дань уваженія рабочимъ, не можешь не признать, что такая жизнь убила бы въ насъ самихъ всякое стремленіе къ чему-либо высшему, и хочется крикнуть: «ничто, ничто не вернетъ этому народу его здоровье, его творческія способности, его исчезнувшее счастье».

Можетъ-быть, это сильно сказано, но эти-то условія труда и привели къ теперешней апатіи рабочаго класса.

Рабочій, давшій арміи нѣсколькихъ сыновей, можетъ сказать: «Я готовъ служить отечеству, но я не хочу закабалять себя и работать по семи дней въ недѣлю въ сверхурочные часы только для того, чтобы увеличить доходы прижимистыхъ директоровъ и капиталистовъ. Я готовъ работать столько, сколько мнѣ нужно для того, чтобы жить по-человѣчески, но я отказываюсь работать безъ

отдыха, изо дня въ день, какъ невольникъ. Дайте мнѣ живую, интересную работу, и я буду работать, но быть механическимъ придаткомъ машины съ самаго дѣтства— нѣтъ, довольно съ меня; если же съ меня потребуютъ работы по 15 часовъ въ сутки, пусть ищутъ другого рабочаго».

Механическая работа не удовлетворяетъ человѣка. Человѣкъ можетъ выполнять ее по нѣскольку часовъ въ сутки, чтобы заработать себѣ на пропитаніе, но самую работу онъ можетъ проклинать при этомъ отъ всей души.

«На кого я работаю?» въ правѣ спросить себя рабочій, «я не знаю, кому нужны всѣ эти вещи; и не потому ли только мы ихъ и работаемъ, что каждая изъ нихъ даетъ прибыль капиталисту? Живемъ мы въ трущобахъ, скрашиваемыхъ пивными лавченками, и нами расправляются и понукаютъ какъ кому угодно. Если страна нуждается во мнѣ, обратитесь ко мнѣ непосредственно, дайте мнѣ убѣдиться, что моя работа дѣйствительно нужна и полезна, дайте мнѣ возможность сознательно приложить свой трудъ...»

А вотъ какъ описывается въ журналѣ «The New Statesman» жизнь средняго англійскаго рабочаго; если въ этомъ описаніи сгущены краски, то призадумаемся хотя бы надъ тѣмъ, насколько оно соотвѣтствуетъ дѣйствительности:

«Вникните въ положеніе рабочаго. У него нѣтъ увѣренности въ заработкѣ, иногда нѣтъ увѣренности даже въ завтрашнемъ днѣ, если онъ работаетъ понедѣльно или поденно. Онъ въ полной власти предпринимателей. Онъ знаетъ, что случись что-нибудь въ любой моментъ—его дѣти будутъ предоставлены суровому режиму приходской благотворительности. Онъ видитъ, какъ растутъ они, играя въ единственномъ, доступномъ имъ «саду»—въ уличной канавѣ, а если онъ задумается надъ ихъ судьбою, онъ вспомнитъ, что и канава не для нихъ. Онъ знаетъ, что они обречены на ту же безцвѣтную, унылую жизнь, какою

самъ онъ прожилъ всю свою жизнь. Когда дѣти въ комнатѣ, они задыхаются; живутъ они въ духотѣ и постоянномъ смрадѣ и чаду угара. Вотъ почему разыгрываются въ улицахъ, гдѣ живетъ вся эта бѣднота, дикія сцены насилія, отчаянія и пьянства.

Въ своемъ стремленіи къ прекрасному рабочій заводитъ птичку въ клѣткѣ, котенка, горшокъ герани. У него на каминѣ стоятъ двѣ-три дешевыхъ фарфоровыхъ вещицы, но въ его комнатахъ всегда неуютно, грязно и темно. Онъ втиснутъ въ щель каменнаго города: земля во всемъ ея великолѣпіи не для него. Куда бы онъ ни пошелъ—всюду одно и то же: въ театрахъ онъ втиснутъ на галерку; въ пивныхъ его загоняютъ въ темный уголъ; онъ во всемъ ограниченъ, всюду ему указано худшее мѣсто. Онъ исключенъ навсегда, какъ и его дѣти, изъ міра блестящихъ автомобилей, богатыхъ нарядовъ и садовъ... И, несмотря на все это, онъ не озлобленъ и способенъ на ласку и веселье, и за свою родину онъ умираетъ на войнѣ съ улыбкой на устахъ...»

Да, тамъ на войнѣ они одинаково всѣ нужны и одинаково готовы умирать смертью героевъ: и богатые, и бѣдные. Но здѣсь, дома, мы допустили господство такихъ порядковъ, которые свидѣтельствуютъ о недостаточной любви къ родной странѣ, и за которые мы всѣ отвѣтственны въ одинаковой мѣрѣ.

«Нельзя смотрѣть на рабочихъ, говорится тамъ же, какъ на неудачныхъ членовъ семьи, которыхъ не безполезно ругнуть лишій разъ. Во всякомъ случаѣ до сихъ поръ во всѣхъ спорахъ между предпринимателями и рабочими виноваты оказывались эти послѣдніе. Тѣ предприниматели, которые находятъ, что война должна повысить прибыль и понизить заработную плату, считаются разсуждающими очень здраво. Наоборотъ, рабочій, который настаиваетъ на томъ, чтобы во время войны ему дали возможность кормить своихъ дѣтей попрежнему, обвиняется въ преступленіи противъ народа, какъ отказывающійся снабжать своихъ братьевъ въ окопахъ необходимымъ снаряженіемъ. Никогда предпринима-

тель, отказывающійся заплатить своимъ рабочимъ по справедливой расцѣнкѣ, не изображается въ такихъ мрачныхъ краскахъ! И тѣмъ не менѣе именно отказъ въ уплатѣ справедливыхъ прибавокъ къ заработной платѣ былъ причиной задержекъ въ снабженіи арміи».

Корень всѣхъ этихъ столкновеній между капиталомъ и трудомъ касается не одной какой-либо страны, это проблема всего цивилизованнаго человѣчества. Гдѣ же исходъ?

Одинъ выходъ—въ милитаризмѣ. Можно обратить рабочее населеніе страны въ послушное, безотвѣтное и полезное для государства населеніе. Если же вдобавокъ государство подчинитъ себѣ и классъ капиталистовъ, оно сможетъ добиться мірового господства и предписывать свою волю всему міру. Таковъ германскій идеалъ.

«Другое средство— въ разностороннемъ духовномъ и физическомъ развитіи народа. Содѣйствіе этому развитію, говоритъ Э. Карпентеръ, должно подготовить наше юношество къ общественной работѣ. Съ 16 до 18 лѣтъ каждому должна быть предоставлена возможность выбрать себѣ дѣло по душѣ и сознательно рѣшить, *какъ* сможетъ онъ помочь своему народу. Въ случаѣ нападенія непріятеля, несомнѣнно, населеніе, подготовленное духовно и физически, какъ одинъ человѣкъ встанетъ на защиту своей родины».

Интересный опытъ сдѣланъ теперь въ этомъ направленіи лордомъ Дерби въ Ливерпулѣ, гдѣ всѣ портовые рабочіе зачислены на государственную службу и считаются какъ бы призванными подъ знамена. Поденные рабочіе превратились, такимъ образомъ, въ служащихъ съ опредѣленнымъ содержаніемъ и правами правительственной службы.

Это мѣра временная, но ясно, насколько необходимо *было* немедленно улучшить положеніе труда. Слишкомъ обострился рабочій вопросъ и слишкомъ непохожи современныя мрачныя условія существованія въ нашихъ фабричныхъ городахъ на прежнюю жизнь въ веселой «дере-

венской» Англіи, хотя мы и были тогда въ общемъ бѣднѣе.

Если этотъ опытъ лорда Дерби окажется удачнымъ, въ нашемъ распоряженіи будетъ новое средство борьбы съ нищетой и вырожденіемъ рабочаго населенія, живущаго поденнымъ заработкомъ.

ГЛАВА XVIII.

Очередныя реформы.

Боже, спаси народъ!

Среди нашихъ промышленниковъ, несомнѣнно, есть люди, правильно оцѣнивающіе задачи нашего времени. Такъ, Эдуардъ Кэдбюри *) говоритъ:

«Мы должны учитывать то обстоятельство, что рабочіе постепенно становятся болѣе развитыми и способными понимать общее значеніе промышленности и правильно оцѣнивать свою долю участія въ ней. Они не безъ основанія приходятъ къ мысли о томъ, что до сихъ поръ они почти не пользовались тѣми преимуществами, какія даетъ намъ наука и техника. Но они предъявляютъ свои требованія не только по отношенію къ болѣе справедливому распредѣленію благъ современной культуры, они вполнѣ основательно заинтересованы и въ управленіи промышленными предпріятіями. Капиталистамъ предстоитъ выработать въ ближайшемъ будущемъ схему болѣе справедливаго распредѣленія въ обществѣ благъ цивилизаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ намѣтить способы привлеченія рабочихъ къ участію въ промышленныхъ предпріятіяхъ». («Управленіе промышленными предпріятіями на научныхъ основаніяхъ»).

---

*) Кэдбюри (Cadbury) — владѣльцы шоколадныхъ фабрикъ въ мѣстечкѣ Бернвилль (Burnville) близъ г. Бирмингама, впервые осуществившіе въ этомъ городѣ принципъ города-сада. *Прим. ред.*

Повышеніе уровня развитія среди рабочихъ, составляющихъ большинство населенія страны, открыло бы имъ новые горизонты. Оно заслуживаетъ поэтому, несомнѣнно, полнаго сочувствія и содѣйствія.

Остановимся на причинахъ низкаго уровня развитія рабочаго населенія.

Несомнѣнно, основныя причины его--это неопредѣленность заработка, колебанія въ спросѣ на трудъ и система недѣльныхъ расчетовъ.

Обычно рабочій проживаетъ у насъ въ недѣлю весь свой недѣльный заработокъ и поэтому оказывается цѣликомъ въ зависимости отъ капиталиста. Въ рукахъ его остается одно лишь средство повліять на капиталиста — стачка. Но стачка — обоюдоострое оружіе, тяжело отзывающееся не только на предпріятіи, но и на самомъ рабочемъ.

Положеніе могло бы измѣниться, если бы у рабочаго оказались сбереженія, достаточныя, чтобы поддержать его и его семью въ трудныя минуты жизни. Необходимо дать рабочимъ возможность съ удобствомъ и выгодой для себя помѣщать свои сбереженія въ товарищескія ссудо-сберегательныя кассы или иныя учрежденія. Вопросъ въ томъ, есть ли у насъ такія учрежденія? Въ дни моей молодости существовали ссудо-сберегательныя кассы (Provincial Saving Banks), и я былъ членомъ Правленія одной изъ нихъ. Помню, какъ сейчасъ, длинную очередь молчаливыхъ, покорныхъ женщинъ, дожидавшихся по субботамъ и по понедѣльникамъ своей очереди у кассы, особенно, если случалось запаздывалъ кассиръ или членъ Правленія. Помню и поразительно ограниченную сумму допускавшагося вклада, помню отчаяніе въ голосѣ тѣхъ, кому приходилось отказывать въ дальнѣйшемъ пріемѣ денегъ, когда они спрашивали, куда же имъ теперь обратиться,—вопросъ, на который трудно было дать отвѣтъ.

Государственныя Сберегательныя Кассы при почтовыхъ учрежденіяхъ отчасти выполняютъ теперь эту задачу, но и въ

нихъ, къ сожалѣнію, сумма вклада ограничена 500 рублями въ годъ, а общая сумма вклада не должна превышать 2000 рублей. Я считаю эти ограниченія, введенныя, очевидно, съ цѣлью избѣжать конкуренціи съ банками, совершенно излишними и лишь затрудняющими накопленіе мелкихъ сбереженій, имѣющихъ такое громадное значеніе для страны. Эти сбереженія могли бы, мнѣ думается, стать своего рода добровольнымъ страхованіемъ не только отъ болѣзней, подобно принудительному государственному страхованію рабочихъ, но и страхованіемъ отъ всякаго рода случайностей въ жизни вообще.

Въ этомъ отношеніи полезно было бы распространить условія военнаго займа и на мирное время*).

Думается мнѣ, что такого рода косвенныя мѣропріятія играютъ большую роль въ жизни народовъ, и что только такого рода нововведенія и могутъ уменьшить, напримѣръ, вредъ отъ чрезмѣрнаго употребленія спиртныхъ напитковъ.

Разъ коснувшись этого вопроса, я не могу не сказать, что, по моему мнѣнію, добровольный отказъ отъ потребленія вина, основанный на сознаніи и чувствѣ собственнаго достоинства, имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ принудительное запрещеніе. Если же на это можно возразить, что результаты такихъ косвенныхъ мѣропріятій скажутся очень не скоро, то можно принять рядъ другихъ косвенныхъ мѣръ. Такое авторитетное въ этомъ отношеніи лицо, какъ Роб. Блэчѳордъ, говоритъ:

«Единственное средство борьбы съ пьянствомъ—государственный контроль продажи спиртныхъ напитковъ. Винокуреніе должно регулироваться закономъ. Всѣ существующія безобразныя пивныя должны быть уничтожены и замѣнены хорошими кофейнями и чайными. Если бы это бы-

---

*) Какъ извѣстно, $4^1/_2\%$ военный заемъ, давшій въ іюлѣ англійскому правительству больше 6 милліардовъ рублей, былъ построенъ на широкихъ, демократическихъ основаніяхъ; свидѣтельства на заемъ выдавались во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Имперіи, начиная съ суммы въ 2 руб. 50 коп. *Прим. пер.*

ло сдѣлано, исчезла бы необходимость въ иныхъ принудительныхъ мѣрахъ».

Вообще намъ предстоитъ многое еще измѣнить и реформировать. Если бы только у насъ хватило рѣшимости смотрѣть въ корень нашего соціальнаго зла, а не удовлетворяться поверхностнымъ удаленіемъ отдѣльныхъ его проявленій! Это вѣдь борьба не только за уничтоженіе милитаризма, но и за лучшее будущее вообще.

«Мы боремся сообща за новую и лучшую жизнь. И даже тотъ, кто плохо этому вѣритъ, можетъ убѣдиться, что это общее ожиданіе отчасти уже оправдывается. Мы видимъ начало возрожденія всѣхъ вовлеченныхъ въ эту войну странъ.... Россія, отказавшись отъ потребленія алкоголя, постепенно осознаетъ свои силы и пролагаетъ себѣ новые пути жизни. Франція тоже обрѣла себя въ этой войнѣ. Въ Германіи рушатся кастовые предразсудки, задерживавшіе ея свободное развитіе,—тамъ учатся отличать истину отъ заблужденія» (Hibbert Journal, апр. 1915).

Что же дѣлаетъ Англія? Готовится ли она къ національнымъ реформамъ?

Вѣдь вѣкъ промышленности грозилъ погубить душу нашего народа. Промышленность (индустріализмъ) убивала у насъ Искусство, радость и достоинство труда.

«Поколѣнія, идущія намъ на смѣну, съ удивленіемъ оглянутся на безобразный опытъ эпохи индустріализма. Вѣдь было ясно съ самаго начала, что свобода, которую обѣщалъ индустріализмъ, наложитъ цѣпи на многихъ; и все же, назвавъ его «прогрессомъ», индустріализму быстро подчинился весь міръ. Живой и многообразный трудъ крестьянина смѣнился механическимъ, тупымъ трудомъ машины» (ibid.).

Люди спрашиваютъ иногда съ удивленіемъ, почему Англію въ старину называли Веселой Англіей? Да потому, что тогда трудъ способствовалъ разностороннему развитію человѣка. Въ то время *трудъ—основа народнаго бытія*—былъ и источникомъ радости и высшаго удовлетворенія...

То было время созиданія готическихъ соборовъ, когда

рабочій былъ и художникомъ, и творцомъ, когда все окрестное населеніе, организованное въ цехи, принимало непосредственное участіе въ украшеніи соборовъ и въ свою очередь оказывалось подъ непосредственнымъ вліяніемъ готической архитектуры.

Если мы и не направили бы на готическіе соборы жерла нашихъ пушекъ, подобно германцамъ, разрушившимъ Реймскій соборъ, мы все же не мало повинны въ пренебреженіи къ Искусству и къ началамъ дружнаго, товарищескаго и братскаго строительства жизни.

Не возродится ли теперь изъ пепла сожженныхъ городовъ и селеній этотъ духъ братскаго единенія въ трудѣ, не одушевитъ ли онъ опять строителей и рабочихъ къ дружному строительству жизни?

Въ наше время это стремленіе могло бы сдѣлаться международнымъ. Еще недавно считалось, что человѣкъ, заинтересованный въ благосостояніи не только своего, но и другихъ народовъ—плохой патріотъ. Надо думать, что наши дни положатъ конецъ этимъ близорукимъ, провинціальнымъ взглядамъ. Самые размѣры настоящаго бѣдствія, число народовъ, вовлеченныхъ въ эту войну, служитъ яснымъ доказательствомъ тѣсной зависимости ихъ существованія. До сихъ поръ считалось, что процвѣтаніе одного народа зависитъ отъ угнетенія другого; между тѣмъ, если мы желаемъ прочныхъ дружескихъ отношеній между народами, намъ необходимо имѣть ясное представленіе объ ихъ общихъ интересахъ.

ГЛАВА XIX.

Задачи человѣчества.

Только личныя и отчасти торговыя отношенія до сихъ поръ основывались на понятіяхъ чести, хотя новичку въ торговомъ дѣлѣ иногда и трудно угадать, что именно сочтется

за честный или безчестный поступокъ. Но, несмотря на эту опасную эластичность, нарушеніе этики въ торговлѣ клеймится, какъ позоръ; установлено, что честное отношеніе къ дѣлу оправдывается всегда наибольшимъ успѣхомъ.

Не то, къ сожалѣнію, въ международныхъ отношеніяхъ. Тайные договоры, тайныя донесенія и подпольныя организаціи считаются необходимой принадлежностью международныхъ сношеній и дипломатіи. Пока все это будетъ такъ, международнымъ отношеніямъ всегда будетъ грозить опасность. Необходимо признать всѣ эти методы устарѣвшими и недопустимыми, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Нарушеніе договоровъ, несоблюденіе обязательствъ, распространеніе какой-либо страной ложныхъ свѣдѣній за границей—должно считаться позорнымъ. Но до сихъ поръ понятія о чести не распространялись на международныя отношенія. Считалось, что интересы народовъ противоположны, и что благосостояніе одного народа достижимо только за счетъ другого. Теперь мы знаемъ, что это не такъ—необходимо выяснять эти общіе интересы.

«Человѣкъ, не способный сочувствовать несчастію другихъ народовъ, едва ли будетъ отзывчивъ и къ дѣлу родной страны», говоритъ Вордсвортъ.

Интересы другихъ народовъ совпадаютъ съ нашими собственными. Но сочувствіе должно выражаться на дѣлѣ.

«Невмѣшательство въ дѣла сосѣднихъ государствъ, говоритъ Mrs. Browning, — великая добродѣтель; но не вмѣшиваться—еще не значитъ переходить на другую сторону, когда на вашего сосѣда напали воры».

Чѣмъ шире будутъ заложены основы коопераціи въ международныя отношенія, тѣмъ лучше для человѣчества. Намъ нужно вмѣстѣ овладѣвать силами природы, бороться съ болѣзнями, стремиться къ просвѣщенію, къ побѣдѣ духа надъ матеріей, къ побѣдѣ души надъ тѣломъ. Намъ надо помогать другъ другу: задачи эти достаточно трудныя и безъ братоубійственныхъ раздоровъ.

Чѣмъ шире будетъ сотрудничество народовъ, тѣмъ

ярче будетъ проявляться ихъ національность.

«Народная и международная жизнь, говорилъ Мадзини, должны быть проявленіями одного и того же начала—любви къ добру». Національность была священна для Мадзини, потому что въ ней онъ видѣлъ средство къ проявленію добра и къ прогрессивному, поступательному развитію человѣчества. Онъ считалъ, что народъ, основывающій свое благополучіе на угнетеніи другихъ народовъ и забывающій о единыхъ задачахъ человѣчества, теряетъ право на существованіе.

То же говорилъ и Фихте въ своемъ обращеніи къ германскому народу въ 1807 году, когда Наполеонъ овладѣлъ Германіей. Онъ говорилъ, что народы вѣчны, и что ихъ существованіе простирается за предѣлы странъ и государствъ.

Средство къ спасенію своего народа Фихте видѣлъ тогда въ одномъ: въ просвѣщеніи. «Я надѣюсь убѣдить хотя бы часть германцевъ, что только просвѣщеніе спасетъ насъ», писалъ онъ.

Германцы поняли его... и использовали просвѣщеніе шире всѣхъ другихъ народовъ. Ему обязаны они своимъ успѣхомъ. Они не сумѣли, правда, избавиться отъ педантизма и превратили свои школы въ механическія мастерскія, выдѣлывающія человѣческія существа по заказанному образцу,—но худшее послѣдствіе ихъ неудачи то, что она можетъ лишить просвѣщеніе его прежняго обаянія.

Но этого не будетъ. Война показала намъ глубокую потребность въ просвѣщеніи среди всѣхъ классовъ нашего общества. Мы не допустимъ дальнѣйшаго пребыванія у насъ науки въ качествѣ какой-то замарашки и сандрильоны, призванной выполнять только кое-какія случайныя работы по дому.

Дальнѣйшее пренебреженіе наукой и ея работниками можетъ привести народъ къ опасному концу. Люди науки должны выступить и указать на нашу отсталость въ этомъ отношеніи. Наука одна не спасетъ человѣчества, но пренебреженіе наукой можетъ погубить насъ. Среди недостатковъ

нашего времени расцвѣтъ науки и ея примѣненія были свѣтлымъ явленіемъ; и ему обязана Германія своей необычайной силой. Мы какъ будто еще не осознали сейчасъ своей отсталости въ этомъ отношеніи, и лучше бы намъ осознать ее до конца этой войны.

Мало при этомъ обычныхъ ассигновокъ, выдаваемыхъ правительствомъ въ обрѣзъ. Необходимо создать благопріятныя условія для чисто научной работы, независимо отъ чтенія лекцій и экзаменовъ.

Мы не въ состояніи создать по мановенію руки генія или научное открытіе: они даются молитвой и постомъ. Но матеріальныя средства должны быть даны; только при условіи существованія специальныхъ оборудованныхъ лабораторій становится возможнымъ появленіе Фарадея, и только при счастливомъ стеченіи семейныхъ обстоятельствъ, дѣлающихъ человѣка «независимымъ» (нелѣпое слово),—становится возможнымъ Кавендишъ. Вѣдь въ сущности все зависитъ отъ чисто научныхъ, отвлеченныхъ изслѣдованій, но у насъ до сихъ поръ пользуется покровительствомъ только практическое примѣненіе открытій.

Въ этомъ отношеніи разница между нами и Германіей прекрасно выражена по отношенію къ химіи. Тамъ научныя изслѣдованія въ области химіи всячески поощряются,— у насъ, наоборотъ, только немногіе, чувствующіе особенное влеченіе къ химіи, рѣшаются посвятить ей свою жизнь, вопреки уговорамъ друзей и предупрежденіямъ профессоровъ.

«Систематическое пренебреженіе химической наукой, говорилъ недавно въ своемъ докладѣ Химическому Обществу проф. Франкландъ, повело къ тому, что тѣ отрасли химической промышленности, которыя связаны съ примѣненіемъ обширныхъ химическихъ познаній, постепенно исчезаютъ изъ Англіи и переходятъ въ руки тѣхъ, кто готовъ не только примѣнять въ промышленности новыя открытія въ химіи, но и поощрять самыя разнообразныя изслѣдованія въ этой области въ надеждѣ, что они поведутъ къ открытіямъ, полезнымъ въ ихъ торговомъ дѣлѣ.

Благодаря такимъ изслѣдованіямъ при университетахъ и при химическихъ фабрикахъ, Германія за послѣдніе годы пользовалась исключительными преимуществами въ химической промышленности.

Для того, чтобы химическая промышленность могла процвѣтать и въ Англіи, необходимо совершенно измѣнить прежнее отношеніе промышленности къ наукѣ и въ частности къ химіи».

Тѣ же взгляды были выражены и въ докладѣ «о положеніи химической промышленности», представленномъ Химическимъ Обществомъ правительству.

ГЛАВА XX.

Миръ и разоруженіе.

Разоруженіе можетъ быть только слѣдствіемъ глубокихъ перемѣнъ въ настроеніи и въ умахъ людей. До сихъ поръ люди привыкли восхвалять войну, блескъ побѣды и оружія.

Съ малыхъ лѣтъ дѣти привыкаютъ къ милитаризму и всасываютъ ядъ милитаристической психологіи. И университеты и даже Церковь способствовали этому.

Если мы дѣйствительно желаемъ мира, мы должны и готовиться къ миру—не пассивно, а дѣятельно и упорно. Мы полюбимъ миръ только тогда, когда сдѣлаемъ его достойнымъ нашей любви. До тѣхъ поръ мы все будемъ говорить: «Если хочешь мира, готовься къ войнѣ»—Si vis pacem, para bellum. Миръ долженъ стать лучше войны, а пока намъ есть чему поучиться у войны.

Послушаемъ, что сказалъ объ этомъ Мильтонъ: «Если по окончаніи войны, вы пренебрегаете искусствами мира, и вашъ миръ и ваша свобода только скрытая борьба и война, если въ войнѣ заключаются всѣ ваши добродѣтели, миръ скоро наскучитъ вамъ. Миръ вашъ будетъ печальнѣе войны, и то, что вы считали свободой, хуже рабства».

Намъ необходимо и въ мирное время дать возможность проявляться героизму, великодушію и другимъ драгоцѣннымъ порывамъ человѣческой души... Миръ долженъ вести людей, связанныхъ между собой узами дружбы и товарищества, къ единой, общей цѣли. Тогда война станетъ такой же нежелательной помѣхой, какъ шумъ, мѣшающій музыкѣ.

Большинству людей, говоритъ Clutton-Brock, такъ чужды порывы и приключенія мирнаго времени, что они не признаютъ героями художника, философа, святого, ученаго. Имъ непонятно одушевленіе побѣды тамъ, гдѣ нѣтъ врага, или увлеченіе работой, преодолѣвающей матеріальныя препятствія. Для нихъ работа—только утомительная борьба за существованіе. Они рады всякому развлеченію, между прочимъ и войнѣ. Но есть иное средство избавиться отъ этого томленія—это свобода, открывающаяся людямъ въ искусствѣ, наукѣ и религіи. Но что сдѣлано нами, чтобы сдѣлать эту свободу доступной всѣмъ?

«Быть свободнымъ, говоритъ Мильтонъ, значитъ быть благочестивымъ и мудрымъ, скромнымъ и сдержаннымъ, умѣреннымъ и справедливымъ, храбрымъ и великодушнымъ, а не быть—значитъ быть рабомъ».

Намъ некогда заниматься войной, у насъ безконечное множество ощущеній и переживаній, которыя надо испытать въ краткій жизненный срокъ,—въ нашей власти созиданіе и творчество цѣлаго міра въ области искусства, со всѣми надеждами и влеченіями человѣчества, звучащими въ немъ...

Но для всего этого необходимо иное, истинное просвѣщеніе народа; особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ рукахъ народа въ значительной степени находятся судьбы страны.

«Народы міра жаждутъ мира», сказалъ Влад. Бурцевъ, а ему, изгнаннику, побывавшему во многихъ странахъ, это должно быть извѣстно. Только народу необходимо слѣдить, чтобы волей его не воспользовались другіе и не повернули бы все по-своему. Примѣръ Германіи по-

казываетъ, какъ легко обмануть мирный и дружелюбный народъ и поставить его въ безысходное положеніе. Это доказываетъ также, насколько важно пониманіе государственныхъ дѣлъ рабочими и крестьянами.

«Пока мы всѣмъ народомъ, говоритъ Эд. Карпентеръ, не поймемъ и не сознаемъ нашихъ національныхъ задачъ, несчастіе за несчастіемъ, бѣдствіе за бѣдствіемъ—будетъ постепенно приводить насъ къ этому сознанію».

ГЛАВА XXI.

Національныя проблемы.

Согласованіе стремленій разныхъ національностей—дѣло не легкое; многое еще надо будетъ обсудить въ этомъ отношеніи. Но нельзя не думать объ этомъ, хотя бы и невозможно еще было предвидѣть рѣшеніе этихъ задачъ.

Вспомнимъ, что сказалъ Асквитъ:

«Прочный миръ можетъ быть заключенъ только на основаніи права (public right). Что это значитъ? Это значитъ прежде всего, что господство милитаризма, какъ главнаго фактора въ отношеніяхъ между государствами и въ жизни Европы, должно быть сломлено; затѣмъ, что существованіе и свободное развитіе небольшихъ государствъ должно быть обезпечено. Бельгія, Голландія, Швейцарія, Скандинавскія страны, Греція и Балканскія государства должны быть признаны независимыми и имѣющими одинаковое съ другими государствами право на существованіе. И, наконецъ, это означаетъ или должно бы означать, что хотя бы медленно и постепенно, но господство силы въ отношеніяхъ между государствами должно смѣниться истиннымъ дружелюбіемъ (partnership), основаннымъ на признаніи одинаковыхъ правъ и установленнымъ по общему желанію».

Если мы согласны съ этими словами, намъ необходимо готовиться къ этому объединенію и союзу государствъ Европы.

Пусть между нами будетъ меньше разногласія и больше пониманія; и если когда-либо въ Европѣ опять будетъ война, пусть она назовется великимъ зломъ, войной гражданской.

Чтобы укрѣпить и упрочить миръ, надо содѣйствовать физическому развитію гражданъ и всю нашу резервную армію считать международной полиціей, призванной наблюдать за исполненіемъ международныхъ договоровъ и наказывать за преступленія противъ международнаго права. И если когда-либо Британскій Флотъ злоупотребитъ своимъ могуществомъ, пусть цивилизованный міръ покараетъ Британію за это преступленіе.

Свобода торговли попрежнему должна быть нашимъ лозунгомъ. Пусть всѣ страны производятъ и торгуютъ тѣмъ, что имъ наиболѣе свойственно. Пусть всѣ народы, малые и большіе, развиваются независимо: пусть они несутъ полную отвѣтственность за свои заблужденія и успѣхи.

Мы взялись за защиту малыхъ народностей; Британская Имперія, сама являющаяся федераціей независимыхъ народовъ, не можетъ не признать ихъ право на существованіе. То же право на независимое и свободное развитіе должно быть признано и за Ирландіей.

Вспомнимъ, чѣмъ мы обязаны малымъ народностямъ. Можно сказать, что міръ обязанъ имъ своимъ прогрессомъ.

Вспомнимъ Швейцарію, 600 лѣтъ тому назадъ зажегшую свѣтильникъ свободы, свободную Голландію, съ цѣлымъ рядомъ ея ученыхъ и художниковъ, скандинавскіе народы, давшіе міру рядъ знаменитыхъ людей, начиная съ Линнея до Теньера, Бьернсона и Нансена. Англія во времена Шекспира, Бэкона и Мильтона равнялась по населенію

Болгаріи. Соединенные Штаты во времена Вашингтона, Франклина, Джефферсона, Гамильтона и Маршалла едва равнялись по населенію Даніи или Греціи.

Почти все цѣнное въ нашей цивилизаціи дано намъ малыми государствами,—говоритъ Н. А. Фишеръ, канцлеръ гор. Шефильда,—поэмы Гомера, греческая драма и драмы Шекспира, искусство Итальянскаго Возрожденія, гражданское право Англіи... Всѣ знаютъ, чѣмъ обязано человѣчество Аѳинамъ, Флоренціи, Женевѣ, Веймару. То, чѣмъ человѣчество обязано этимъ маленькимъ государствамъ, во много разъ превосходитъ то, что намъ дали воинственныя монархіи Людовика XIV, Наполеона или Вильгельма II...

Не забудемъ и о значеніи малыхъ государствъ, какъ своего рода лабораторій соціальныхъ опытовъ и изслѣдованій. Штатами Сѣверной Америки впервые даны намъ цѣнныя свѣдѣнія о результатахъ различныхъ нововведеній въ области гражданскаго права. Равноправіе женщинъ, контроль продажи спиртныхъ напитковъ, судебныя реформы—на все это едва ли рѣшились бы большія государства, если бы все это не было осуществлено сначала законодательствомъ Новаго Свѣта.

Восточный вопросъ.

Если я рѣшаюсь затронуть Восточный вопросъ, то, конечно, только въ качествѣ рядового гражданина, обсуждающаго чреватыя послѣдствіями событія. Предоставлять рѣшеніе сложныхъ политическихъ вопросовъ дипломатамъ—германскій, а не англійскій методъ. Англичане, наоборотъ, интересуются даже сложными политическими проблемами.

Неизвѣстно еще, на чью сторону встанетъ Болгарія, съ кѣмъ соединитъ она свою судьбу, столько претерпѣвъ отъ турецкихъ звѣрствъ, и еще такъ недавно попавшись въ ловушку прусской дипломатіи...

Что касается Сербіи, то ея геройская борьба не мо-

жетъ не вызывать сочувствія и признательности; казалось, Сербіи могло бы предстоять блестящее будущее; къ Сербіи должны бы отойти берега Адріатики: Боснія, Герцеговина и Далматское побережье, которое она могла бы подѣлить съ Италіей.

Если бы Румынія примкнула къ союзнымъ націямъ, она, вѣроятно, получила бы Трансильванію, родственную ей по языку и по населенію.

Италія—трижды желанная наша союзница—возсоединитъ итальянскія провинціи Австріи и Тріестъ, наконецъ, перестанетъ быть «пистолетомъ, направленнымъ на Венецію».

Но главное затрудненіе въ томъ, чтобы предоставить германскимъ народамъ портъ въ Адріатикѣ, дающій имъ выходъ въ Средиземное море. Фіуме врядъ ли подходитъ имъ, какъ вполнѣ славянскій городъ. Но Германія, освобожденная отъ прусскаго господства, могла бы объединиться въ обширную федерацію во главѣ съ Австріей или Баваріей. Тогда ее легче было бы удовлетворить и въ Адріатикѣ.

Вообще ограничивать развитіе какого бы то ни было народа—полнѣйшее безуміе. Вспомнимъ хотя бы плачевные результаты нашей политики по отношенію къ Россіи. Если бы мы въ 1878 году не воспрепятствовали занятію Константинополя Россіей, вопросъ о Дарданеллахъ былъ бы рѣшенъ давнымъ давно.

ГЛАВА XXII.

Будущее Европы.

Народъ въ цѣломъ, конечно, не можетъ подробно обсуждать условія мирнаго договора, но онъ можетъ оказать моральную поддержку своимъ представителямъ и министрамъ и помочь веденію будущихъ переговоровъ, выясняя основ-

ныя положенія будущаго договора. Сюда входитъ:

Установленіе границъ согласно національностямъ и желанію населенія данной страны.

Разслѣдованіе учиненныхъ жестокостей и преступленій (и прежде всего пользованіе мирными жителями, женщинами и дѣтьми, какъ прикрытіемъ для войскъ).

Возстановленіе границъ и независимости Бельгіи.

Господство Пруссіи въ Германіи должно прекратиться такъ же, какъ и господство прусскихъ методовъ въ Австріи, Россіи и другихъ странахъ.

Но помимо этихъ главныхъ вопросовъ, явятся и другіе, какъ, напримѣръ, возникнетъ вопросъ о земляхъ, завоеванныхъ Пруссіей: Шлезвигъ-Гольштейнъ, Эльзасъ-Лотарингія и Польша до сихъ поръ чужды Пруссіи. Что касается ихъ судьбы, мы не въ правѣ рѣшать за нихъ. Никакой выгоды мы для себя въ Европѣ не ищемъ. Островъ Гельголандъ, напр., можетъ быть отданъ Даніи или сдѣланъ международной станціей. То же и на Востокѣ. Пусть народы сами рѣшатъ свою судьбу, слѣдуя своимъ національнымъ склонностямъ и симпатіямъ.

Мы, конечно, не станемъ ограничивать мирное развитіе германской промышленности,—только прусскій флотъ, сосредоточенный въ Кильскомъ каналѣ, намъ далеко не кажется безопаснымъ.

Польша должна получить автономію подъ верховной властью Россіи, по возможности съ открытымъ выходомъ въ Балтійское море; ибо если въ прошломъ ею и совершены были ошибки—ни одинъ народъ не искупилъ ихъ такой дорогой цѣной, и ни одинъ не былъ такъ великъ въ своемъ несчастіи. Народъ, давшій міру Коперника, Собѣсскаго, Костюшко, Мицкевича и Шопэна, имѣетъ право на независимое существованіе.

Россія должна получить выходъ къ свободному морю; Константинополь, несомнѣнно, долженъ принадлежать Россіи, тѣмъ болѣе, что это случилось бы еще лѣтъ 50 тому на-

задъ, если бы не наша ошибочная и враждебная Россіи политика.

Съ тѣхъ поръ Россія безконечно выросла въ культурномъ отношеніи, и теперь, освобожденная отъ своихъ злыхъ геніевъ, она вѣроятно многое дастъ міру.

Въ основу нашей политики должно быть положено довѣріе къ Славянству. Русскій народъ великъ по своимъ душевнымъ качествамъ и проникнутъ идеалами христіанства. Онъ многому можетъ научить насъ, и ему принадлежитъ особое значеніе въ духовномъ развитіи человѣчества. Когда намъ вновь напомнятъ о подавленіи въ Россіи освободительныхъ движеній, вспомнимъ объ Ирландіи...

«То, что мы знаемъ о Россіи, пишетъ по этому поводу, напр., Бретонъ въ «Revue de Paris» (15 марта 1915 г.), мы знаемъ большею частью изъ враждебныхъ ей источниковъ. Не лучше ли поэтому основываться въ своихъ мнѣніяхъ о Россіи на сочиненіяхъ Толстого, Достоевскаго, Горькаго, въ которыхъ величіе русскаго народа сіяетъ во всей своей красотѣ. Мнѣ кажется, что Россія можетъ помочь намъ освободиться отъ узости нашей цивилизаціи и создать на Западѣ совершенно новое движеніе».

Когда я недавно спросилъ Стефена Грэхама, что онъ думаетъ о нашихъ будущихъ отношеніяхъ съ Россіей, онъ сказалъ:

„Русскіе великодушны, они даже великодушнѣе насъ, если увѣрены, что къ нимъ относятся хорошо. Но другое дѣло, если они перестанутъ довѣрять намъ»... Вотъ что нужно помнить нашимъ дипломатамъ!

Что касается Балканскаго вопроса, то онъ настолько сложенъ, что едва ли возможно сказать о немъ что-либо опредѣленное человѣку безъ особыхъ познаній въ этомъ отношеніи.

Но можно сказать одно: будемъ надѣяться, что по окончаніи войны Сербія будетъ возстановлена, какъ и Бельгія, и что къ ней будетъ присоединена съ согласія Италіи славянская Далмація.

Надо думать, что и Грецiя въ концѣ концовъ присоединится къ намъ подъ руководствомъ Венизелоса и тѣмъ сможетъ обезпечить себѣ влiянiе въ Смирнѣ и Малой Азiи—странѣ, достойной лучшей участи, чѣмъ та, которая до сихъ поръ выпала ей на долю.

Болгарiя, выступивъ противъ Германiи, могла бы вернуть себѣ всѣ тѣ земли, которыхъ она лишена по Бухарестскому договору.

Что касается проливовъ и входа въ Черное море, то владѣть ими такой небольшой странѣ, какъ Румынiя или Болгарiя, было бы затруднительно. Можетъ-быть, Дарданелллы, какъ и Кильскiй каналъ, можно было бы объявить по международному договору открытыми для свободной международной торговли.

Константинополь, Гельголандъ и Гибралтаръ могли бы стать, такимъ образомъ, залогомъ мирнаго развитiя народовъ.

Дни турецкой имперiи въ Европѣ сочтены. Но отъ власти турокъ необходимо освободить и Палестину и предоставить ее еврейскому народу. Нѣкоторые, правда, говорятъ, что евреямъ она не нужна, и они отъ нея откажутся. Во всякомъ случаѣ она должна быть имъ предложена и освобождена отъ власти Турцiи и турецкихъ поборовъ. Проще всего было бы присоединить Палестину къ Египту и тѣмъ предоставить ей возможность свободно развиваться и вновь сдѣлаться цвѣтущей страной.

ГЛАВА XXIII.

Еще о реформахъ.

Человѣкъ весь въ настроенiи: ему то весело, то скучно или грустно, и этими настроенiями окрашиваются всѣ его дѣла и помышленiя. Гармонiя жизни состоитъ въ томъ, чтобы не поддаваться этимъ настроенiямъ и минуты упадка

настроенія освѣщать блескомъ задуманнаго въ свѣтлыя минуты.

Такія же настроенія охватываютъ и народы.

Странно вспоминать теперь тотъ калейдоскопъ общественныхъ увлеченій, который пережили мы за вторую половину девятнадцатаго вѣка, начиная съ эстетическаго движенія 70-хъ годовъ и кончая глупѣйшей модой танго.

Но это прошло: сейчасъ народъ сосредоточенъ и полонъ думы—пора закрѣпить это настроеніе началомъ дѣйствительныхъ реформъ, которыя очистили бы нашу жизнь отъ приставшихъ къ ней шлаковъ.

Прислушайтесь, посмотрите кругомъ: какимъ глубокимъ одушевленіемъ охвачена сейчасъ наша жизнь. Учтите ту массу любви, которая проявляется сейчасъ въ помощи жертвамъ войны, въ уходѣ за больными и ранеными...

Шире, внимательнѣе отнесемся къ жизни — глубже почувствуемъ ея красоту—да, красоту природы, красоту Англіи.

Не замѣчать этой красоты, проходить мимо нея—недопустимо. Мы живемъ въ странѣ чудесной, — настолько прекрасной раннею весной и лѣтомъ, что на многихъ эта красота производитъ потрясающее впечатлѣніе.

Прекрасны во многомъ и наши города.

Проникаясь этой красотой, чувствуя ее всѣмъ существомъ, намъ покажется совершенно недопустимымъ портить ее на каждомъ шагу грубыми, кричащими объявленіями.

Мнѣ скажутъ, что это неважно. Да, но не выражается ли въ этихъ крикливыхъ, надоѣдливыхъ рекламахъ духъ торгашества и нежелательной и вредной навязчивости?

Насколько лучше было бы освободиться отъ этой кричащей, наглой рекламы и въ жизни и въ обществѣ. Вѣдь самое лучшее и истинно цѣнное никогда не кричитъ о себѣ на всѣхъ перекресткахъ.

О партіяхъ.

Война избавитъ насъ, вѣроятно, отъ одной нелѣпой особенности нашей общественной жизни—отъ *игры* въ партіи. Политическіе вопросы пріобрѣли слишкомъ большое значеніе, чтобы служить только личнымъ интересамъ. Правительство должно состоять изъ лучшихъ людей страны, и разница во взглядахъ на вопросы государственнаго значенія должна не мѣшать, а наоборотъ, объединять людей въ стремленіи обезпечить странѣ наилучшее развитіе. Образованіе коалиціоннаго (объединеннаго) министерства является поэтому попыткой создать дѣйствительное Національное правительство, отвѣчающее нуждамъ страны.

У правительства найдется много задачъ помимо уничтоженія милитаризма, которыя могли бы объединить лучшихъ людей страны. Между тѣмъ установившіяся у насъ условія работы правительства въ атмосферѣ злобной, жгучей критики оппозиціи, имѣющей въ виду одну только цѣль—способствовать паденію министерства—не могутъ не отзываться самымъ вреднымъ образомъ на дѣлахъ страны.

Замѣчательно, что недавно лордъ Крю, говоря отъ имени либеральнаго правительства и благодаря оппозицію за помощь, сказалъ, что онъ прекрасно понимаетъ, что эта помощь оказывается оппозиціей не данному правительству, а странѣ. Да, конечно, но вѣдь такъ оно всегда и должно быть! Но нѣкоторая доля уваженія необходима и къ тѣмъ, кто несетъ на себѣ тяжелую отвѣтственность за дѣла страны; было бы вполнѣ правильно признать за ними это право на уваженіе и поддержку. Но такая мысль совершенно чужда нашей партійной системѣ, и тѣ, кто сейчасъ пользуются поддержкой оппозиціи, считаютъ необходимымъ подчеркнуть, что они отнюдь не могутъ всегда на нее разсчитывать. И все же эта партійная враждебность въ значительной степени искусственна, такъ же какъ кажется иногда искусственной и враждебность солдатъ въ окопахъ. Только теперь представители партій наконецъ

встрѣтились открыто и дружелюбно, какъ они встрѣчались или не прочь бы всегда встрѣчаться частнымъ образомъ.

Удивительно, что не соглашаться съ правительственными мѣропріятіями—а въ наши дни всѣ мѣропріятія оказываются правительственными—значитъ называть ихъ преступными, и изображать при этомъ правительство худшимъ изъ существующихъ, не стѣсняясь въ эпитетахъ и выраженіяхъ. Эти «сильныя выраженія» составляютъ часть партійной политики и называются «обращеніемъ къ избирателямъ». Подразумѣвается, что эти преувеличенныя выраженія употребляются во имя просвѣщенія необразованныхъ избирателей. Такое отношеніе преступно и должно оскорблять, а не забавлять людей. Выкрики и восклицанія въ родѣ «Бери ихъ», «Долой ихъ» показываютъ, что британская публика относится къ политикѣ, какъ къ футбольному матчу. Политическіе интересы разсматриваются какъ своего рода спортъ. Мы всѣ теперь видимъ, что они посерьезнѣе. И, наконецъ, кто поддается этимъ улюлюканіямъ? Конечно, не убѣжденные избиратели!

Избирательныя кампаніи поэтому рѣшаются тѣми голосами, которые можно привлечь—въ прежніе дни подкупомъ, а въ наши дни этой шумихой; въ результатѣ получаются «качанія маятника», неувѣренность въ политикѣ и въ положеніи правительства, при которомъ чиновники и завѣдующіе канцеляріями и департаментами получаютъ совершенно неожиданное и непризнанное значеніе.

Иногда говорятъ, что демократическое правительство по необходимости должно быть партійнаго характера. Партійная политика оказывается болѣзнью, свойственной демократіямъ. Дѣйствительно, демократія основывается на независимомъ обмѣнѣ мнѣній. Но партійныя мнѣнія и партійная политика далеки отъ независимости; каждый представитель партіи, подобно представителю обвиненія или защиты въ судѣ, чувствуетъ это, зная, что противоположная сторона всегда готова использовать его слова и выраженія въ своихъ партійныхъ цѣляхъ. Это сравненіе

нашей партійной системы съ преніями въ судѣ указываетъ на характерную ея черту: постоянное апеллированіе къ высшей инстанціи, приговоръ которой произнесется только исторіей.

Разногласія въ политической жизни, конечно, должны быть, но они должны обсуждаться хладнокровно, съ цѣлью добиться болѣе справедливаго и широкаго разрѣшенія вопросовъ, и съ полнымъ довѣріемъ къ своимъ противникамъ и къ ихъ искреннему желанію служить общему дѣлу.

Развитіе народнаго генія.

Другая очередная задача—содѣйствіе развитію и проявленію народныхъ способностей и народнаго генія. Эти способности должны быть использованы не только въ политикѣ, но и въ наукѣ и въ промышленности.

Не поражаемся ли мы иногда разносторонними способностями рабочихъ: механиковъ, столяровъ и т. д.? Этимъ способностямъ должна быть предоставлена возможность дальнѣйшаго развитія. Такая возможность бываетъ иногда въ лабораторіяхъ, и въ результатѣ ея явился Фарадей.

Но можетъ ли человѣкъ съ исключительными способностями проявиться въ фабричныхъ условіяхъ? Пожалуй,— но очень рѣдко. Джемсъ Уаттъ былъ такимъ механикомъ, случайно проявившимъ свои исключительныя способности, но чего только не пришлось ему претерпѣть! Другой человѣкъ на его мѣстѣ ничего бы не добился. Примѣръ Дж. Уатта показываетъ, что исключительныя дарованія иногда могутъ проявиться и въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ; но не лучше ли предоставлять людямъ полную возможность развивать свои способности на пользу родинѣ? Необходимо открыть новыя лабораторіи въ дополненіе къ нынѣ существующимъ и избавить ихъ отъ излишняго формализма.

Необходимо по возможности избавляться и въ рабочей средѣ отъ вредной боязни проявленія личной инициа-

тивы и индивидуальности. Равенство всѣхъ хорошо до извѣстной степени, но вѣдь люди должны итти впередъ. Конечно, генiй и духъ вѣетъ, гдѣ хочетъ, мы не можемъ ограничивать его своими предписанiями, но мы должны помогать ему: это наша человѣческая обязанность.

Борьба за существованiе унижаетъ человѣка, необходимости въ ней нѣтъ—вѣдь въ сущности человѣку такъ мало нужно!

Только необходимо помнить, что безбѣдное существованiе достижимо гораздо легче при развитiи земледѣлiя: мы должны помнить, что въ конечномъ счетѣ все дается землей. Она согрѣвается солнечными лучами, а солнечными лучами живетъ вся наша планета.

Эту солнечную энергiю мы еще не научились использовать какъ слѣдуетъ. Между тѣмъ ея хватило бы, чтобы напитать гораздо большее число людей, чѣмъ вообще когда-либо будетъ жить на землѣ единовременно.

Но не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ; накормить человѣка еще сравнительно легко, но надо душу его согрѣть. У человѣка должно быть время на духовное развитiе.

Въ этомъ отношенiи человѣку можетъ помочь машина, начиная съ плуга и кончая двигателями, которыхъ не можетъ замѣнить ручной трудъ человѣка. Благодаря машинамъ, у человѣка должно быть больше свободнаго времени. Но такъ ли? Америка ввела недавно новый терминъ: «ускоренiе работы» — speeding up-system, это грозитъ снова закабалить человѣка,—закрѣпляется система усиленнаго выбрасыванiя товаровъ на рынокъ. Задача рабочихъ союзовъ и должна состоять въ законодательномъ ограниченiи этого стремленiя предпринимателей. Въ мирное время ограничить перепроизводство вполнѣ возможно. Зато сейчасъ, въ моментъ, когда снаряды и снаряженiе такъ необходимы нашей армiи, ограничительныя правила Трэдъ-Унiоновъ только вредны.

Необходимо забыть на время методы мирнаго времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо разрядить густую атмо-

сферу недовѣрія и эгоизма, характеризующую отношенія между капиталомъ и трудомъ. Еще есть надежда, что идея служенія общимъ національнымъ идеаламъ и общему дѣлу можетъ очистить и облагородить нашу жизнь.

Проблема дѣтской смертности.

Мы знаемъ, что каждая молодая жизнь несетъ въ себѣ богатыя возможности,—даже независимо отъ исключительныхъ способностей. Создайте благопріятныя условія для развитія—и почти каждый ребенокъ сможетъ оказать родинѣ немаловажныя услуги; почему бы иначе сыновья лордовъ и пэровъ такъ часто достигали высокихъ и отвѣтственныхъ должностей въ качествѣ дипломатовъ и государственныхъ дѣятелей?

Несомнѣнно, размѣры дѣтской смертности—позоръ для общества; къ счастью, это понято, и, вѣроятно, кое-что будетъ сдѣлано въ этомъ отношеніи.

Необходима прежде всего широкая защита материнства и пропаганда гигіены ухода за дѣтьми и задачъ дошкольнаго воспитанія. Распространеніе физіологическихъ знаній и широкое знакомство съ физіологіей человѣческаго организма также помогло бы уменьшенію дѣтской смертности.

Положеніе женщины.

Война, вѣроятно, облегчитъ положеніе женщины. Достаточно было у насъ систематическаго униженія и подавленія женской независимости. Непризнаніе за женщинами ихъ несомнѣнныхъ правъ и заслугъ и недостаточная доля уваженія къ нимъ были тому причиной. Странно, но тѣмъ не менѣе кажется, что война выдвинетъ женщинъ во многихъ отношеніяхъ,—во всѣхъ областяхъ ихъ трудъ сейчасъ встрѣчается съ глубокой благодарностью. Такъ, единственнымъ свѣтлымъ явленіемъ въ нашей позорной крымской кампаніи было появленіе Флоренсы Найтингаль *).

---

*) Флоренсъ Найтингаль, которой недавно въ Лондонѣ поставленъ памятникъ,—первая англійская сестра милосердія. *Пер.*

Женщины еще разъ доказали, что онѣ способны многое сдѣлать для народа какъ въ области промышленности, такъ и въ области общественной дѣятельности и самоуправленія. Прежніе эксцессы, можетъ-быть, уже не повторятся или будутъ сдерживаться лучшей частью женскаго населенія. Проявленія насилія и дѣянія суффражистокъ до сихъ поръ очень вредили женскому дѣлу; но присущій женщинамъ здравый смыслъ и способности не могутъ больше игнорироваться государствомъ. Наши колоніи и Штаты Сѣверной Америки предоставили намъ свой цѣнный опытъ въ этомъ отношеніи, и, несомнѣнно, въ будущемъ намъ нужно будетъ воспользоваться трудомъ всѣхъ нашихъ выдающихся гражданъ, готовыхъ работать для общаго блага.

Не разъ уже раньше указывалось, насколько охотнѣе, чѣмъ мужчина, отдается женщина ученью. Я говорю, конечно, о большинствѣ, а не объ отдѣльныхъ лицахъ. Женщины составляютъ у насъ большинство на всѣхъ лекціяхъ и курсахъ. Женскій умъ развивается поразительно быстро. Человѣчество всегда обязано было женщинамъ своимъ начальнымъ воспитаніемъ: имъ оно, вѣроятно, скоро будетъ обязано и своимъ дальнѣйшимъ образованіемъ. Тѣ ошибки женской эмансипаціи, свидѣтелями которыхъ мы были недавно,—только преходящее явленіе, это муки рожденія новаго и здороваго будущаго.

«Если бы только чувства единенія и преданности общественнымъ интересамъ, вызванныя войной, сохранились въ Англіи и по заключеніи мира, говоритъ Брэдлей,—какой прекрасной могла бы стать Англія. Она могла бы стать «вторымъ раемъ», какъ говоритъ Шекспиръ».

ГЛАВА XXIV.

Заключеніе.

Мы живемъ въ великое, рѣшающее время, - время, полное невиданныхъ возможностей, которое будетъ, вѣроятно, поворотнымъ пунктомъ въ міровой исторіи. Эти

возможности куплены дорогою цѣной. Страданіе, горе и муки всегда предшествуютъ великимъ достиженіямъ, и откровеніе христіанства дано было въ страданіяхъ Голгоѳы.

Въ этомъ столкновеніи принимаютъ участіе всѣ силы: матеріальныя и психическія. Свободѣ и духовному прогрессу грозитъ сила матеріальной культуры. Кто изъ нихъ побѣдитъ? Великія испытанія вызываютъ и силы великія, заложенныя въ человѣчествѣ и его свободной волѣ. Человѣку предоставлена свобода выбора,—но никогда еще не измѣняло ему его стремленіе къ добру.

Сознаніе все шире охватываетъ человѣчество. Жизнь на землѣ все болѣе подчиняется сознательному руководству человѣка.

Мы въ правѣ полагаться на свои силы,—намъ предоставлена свобода воли,—только въ свободномъ и добровольномъ соединеніи съ Божественной волей воля человѣка можетъ окрѣпнуть и станетъ нерушимой, но свобода всегда была и будетъ его лозунгомъ.

Иногда эта свобода кажется намъ бременемъ, мы изнемогаемъ и спрашиваемъ, почему допущено въ мірѣ зло,—въ мірѣ, предназначенномъ быть Царствомъ Добра. Мы забываемъ, что Царство Добра—внутри насъ, и что оно воцаряется на землѣ постольку, поскольку воля Бога воплощается въ волѣ человѣка.

Содержаніе.

Часть I.

Прошлое.

Часть II.

Настоящее.

Часть III.

Будущее.

Цѣна 60 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Книжный магазинъ „НАУКА“, Москва, Б. Никитская, д. 13.
Тел. 2—54—99.